

На правах рукописи

**МУХАМЕТШИНА Наталья Семеновна**

**ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА И «СИМВОЛЬНАЯ ЭЛИТА»:  
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ**

Специальность 23.00.02 - политические институты,  
этнополитическая конфликтология, национальные  
и политические процессы и технологии  
(по политическим наукам)

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
доктора политических наук

Саратов 2004

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования  
«Самарская архитектурно-строительная академия»

**Научный консультант:** доктор исторических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки Дробижева Леокадия Михайловна

**Официальные оппоненты** - доктор исторических наук, профессор  
Амелин Веналий Владимирович  
доктор политических наук, профессор  
Матвеев Роальд Федорович  
доктор политических наук, профессор  
Шестов Николай Игоревич

**Ведущая организация** - Саратовская государственная академия права

Защита состоится «17» июня 2004г. в «14.00» часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.04 по политическим наукам в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского по адресу:  
410012. г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корпус 9, ауд. 404

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале №3 Научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Автореферат разослан «11» мая 2004 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета Д 212.243.04  
доктор исторических наук, профессор



Голуб Ю.Г.

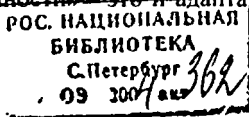
## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

### Актуальность темы исследования.

Современный мир переживает уже вторую за минувшее столетие волну националистических умонастроений и националистически ориентированной политики. Трудность решения проблем современного этапа связана, во многом, с тем, что в предшествующее время этот феномен так и не был до конца понят наукой. Большинство интерпретаций феномена национализма была привязана к категории с очень неясными формальными и качественными очертаниями — «нация». Это стерло четкие разделительные линии между политологическими и историко-этнографическими интерпретациями данного феномена. Под влиянием геополитических конфликтов в XX столетии национализм приобрел облик чего-то косного и неподверженного трансформациям, что можно раз и навсегда устранить из цивилизованных отношений людей, народов и государств. Осталась не проясненной на том этапе и природа огромной популярности национализма у элит и народных масс в качестве политической идеологии. Эта проблема была сведена к вопросу отклонений идеологической политики от нормы, определяемой научным знанием.

С середины 80-х годов и особенно в 90-е годы проблема национализма приобретает особое значение для социально-политической жизни России, всего советского, а в последствии и пост-советского геополитического пространства. В этот период феномен национализма привлекает внимание отечественных исследователей, активно обсуждается политиками, а граждане столь же активно «сотворяют» это явление и сопутствующие ему проблемы. Причинами актуализации феномена национализма на территории бывшего СССР в указанный хронологический период можно считать следующее: накопившиеся за десятилетия массовые фрустрации этнического характера; стремление новых политических элит получить свою долю власти и социальных благ; развернувшиеся процессы демократизации; тяжелейшие последствия для большинства населения либерально-рыночных реформ. Массовые этнические фрустрации подпитывались как неадекватной национальной политикой Центра, так и рядом объективных экономических и социальных причин. В период так называемой «перестройки и гласности» (демократизации советского общества) они получили возможность выйти из латентного состояния и оформиться через национальные движения.

Институализация этничности осуществлялась через обретение государственности, создание различных форм национальных движений и организаций. Наиболее активно эти процессы происходили в конце 80-х — начале 90-х годов, националистическая идеология и политика способствовали возникновению социальной напряженности, и более того - детонировали конфликты. Главным историческим итогом стал распад Советского Союза. «Взрыв» этничности — таким термином стали пользоваться исследователи, характеризуя развитие национальных процессов на советской и пост-советской территории. Вместе с тем «взрыв этничности» — это и адаптационно-защитная



реакция как на состояние аномии пост-советских социумов, так и на усиливающиеся процессы глобализации.

В последнее десятилетие XX века активизировался процесс политизации русской этничности. Особенно значимым и очевидным этот процесс становится в конце 90-х годов XX века — начале XXI века. Возникло несколько десятков политических организаций, идеология которых включает либо полностью основывается на идеологемах национализма. После принятия Закона «О политических партиях» ряд такого рода организаций активизировали организационную деятельность и сумели создать разветвленную сеть региональных отделений. Некоторым из них удалось получить официальную регистрацию и принять участие в выборных кампаниях. Представители незарегистрированных политических организаций, использующих в своих программах различные варианты националистической идеологии, также делают попытки получить доступ к легислатуре. В частности, среди кандидатов, боровшихся за места в Государственной Думе четвертого созыва, были представители подобных организаций. В последнее время политические организации «левой» оппозиции также акцентируют значимость национализма и патриотизма для преодоления социальной аномии, возрождения России как великой державы. Результаты выборной кампании убедительно показали, что эти идеи находят понимание и поддержку среди значительного числа россиян.

С точки зрения современных подходов национализм рассматривается как амбивалентный и поливариативный феномен. В зависимости от объективных и субъективных условий он может приобретать либеральные формы, опираться на демократические правила либо наполняться в большей или меньшей степени радикализмом. Такого рода преобразования - трансформации - не являются однонаправленным линейным процессом. При определенных условиях либеральный по характеру этнонационализм может дополняться радикальными требованиями, а радикально заряженный трансформироваться в более либеральные формы. Очевидно, что процессы активизации и трансформаций, как русского национализма, так и иных проявлений этнического национализма эксплицируются объективными обстоятельствами. Вместе с тем, нельзя отрицать значимость субъективного фактора, то есть деятельность «символьной элиты», политической элиты и контрэлиты, характер и результаты их взаимодействия. Природа национализма и, прежде всего, конкретные проявления в условиях транзитного, реформирующегося общества требуют дальнейшего изучения. Современная Россия - характерный пример подобного состояния социума. Недостаточно исследованной является как сама деятельность этнической «символьной элиты», так и ее результаты в виде «символической продукции». Процесс изучения характера и результатов интеракций «символьной», политической элит и контрэлиты только начинается.

Таким образом, национализм является значимым социально-политическим феноменом, одной из существеннейших характеристик современного российского социума. Представляется, что значимость национализма, его влияние на социально-политические процессы в ближайшие годы будет возрастать. Очевидно, что изучение различных аспектов этого

феномена, в том числе результатов деятельности «символьной элиты», может оптимизировать не только этнонациональную политику, но стратегию и тактику политического менеджмента в целом.

Объектом исследования является идеология и политика этнического национализма в условиях Российской Федерации.

Предметом исследования являются проблемы, создаваемые для политической практики современного российского общества символотворческой активностью русской, башкирской, татарской «символьной элиты».

Хронологические **рамки** исследования включают период новейшей истории России с конца 80-х годов XX века — начало XXI века.

**Географические рамки** исследования включают три субъекта Российской Федерации: Республику Башкортостан, Оренбургскую и Самарскую области. Все субъекты тесно взаимосвязаны не только пространственно - экономически, но и исторически. Кроме того, в рабочей гипотезе учитывались следующие немаловажные обстоятельства: во-первых, разностатусность Башкортостана и указанных областей как субъектов Российской Федерации; во-вторых, наличие де-юре и де-факто «титульного» этноса в Башкортостане и отсутствие такового в административно-территориальных субъектах. Эти обстоятельства, на наш взгляд, могли оказывать существенное влияние на трансформации национализма, на возможности дополнения националистической идеологии политической практикой.

**Целью исследования** является анализ основных тенденций трансформации этнического национализма в современном российском обществе под влиянием политической активности этнических элит.

**Задачи** исследования:

1. Определить основные теоретические подходы к анализу феномена современного национализма и к анализу деятельности «символьных» элит;
2. Выявить основные структурные и качественные характеристики современных российских «символьных элит»;
3. Выделить типичные характеристики идеологии башкирского, русского, татарского национализма;
4. Проанализировать специфику «символической продукции», производимой и транслируемой башкирской, русской, татарской «символьной элитой» в условиях Республики Башкортостан, Оренбургской и Самарской областей;
5. Выявить систему влияния «символической продукции» башкирской, русской, татарской «символьной элиты» на политический менеджмент в условиях Республики Башкортостан, Оренбургской и Самарской областей;
6. Определить направленность трансформаций башкирского, русского, татарского национализма;

7. Сформулировать рекомендации по оптимизации идеологического взаимодействия «символьных элит» с региональными сообществами в сфере этнонациональной политики.

**Методология и теория** исследования опирается на принципы историцизма, системности, учета социального и социально-политического контекста.

В контексте нашего исследования под «символической продукцией» понимались конкретные формы националистической идеологии: программы партий и общественных организаций, статьи и другие публикации в газетах и журналах, тексты интервью, листовок и т.п. На концептуальном уровне для анализа деятельности «символьных элит» по производству «символьной продукции» был использован функциональный подход. Характер предмета исследования предполагает так же анализ на операциональном уровне. В современной политической науке широко используются социологические методы выборки для определения акторов элитной группы. В настоящем исследовании применены: метод позиционного анализа, репутационный метод, метод участия в принятии стратегических решений. В ходе исследования при определении экспертов для нарративных, а, впоследствии, и полуформализованных интервью, применялся метод позиционного анализа.

Основными методами изучения «символической продукции», создаваемой и транслируемой башкирской, русской, татарской «символьной элитой», были избраны качественный, неформализованный анализ и такой вид количественного анализа как контент-анализ. Используются различные варианты контент-анализа источников.

В целом методология исследования может быть отнесена к инструменталистской парадигме.

**Эмпирическая основа.** Основная источниковая база исследования - нормативные акты федеральных и республиканских органов законодательной и исполнительной власти; документы политических и общественно-политических организаций, программы которых основываются либо включают идеологемы башкирского, русского, татарского национализма; публикации в центральных и региональных периодических изданиях, транслирующих идеологию этнонационализма (газеты «Завтра», «Советская Россия», «Волжская заря», «Южный Урал», «Вечерний Оренбург», журналы «Наш современник», «Ватандаш» и другие); публикации идеологов и лидеров националистических организаций.

В исследовании используются материалы полуформализованных экспертных интервью. В общей сложности автором были проведены двадцать четыре экспертных интервью с лидерами и активистами политических партий, общественно-политических и общественных организаций, редакторами и журналистами соответствующих изданий, другими представителями этнической «символьной элиты».

В качестве эмпирической основы использованы материалы исследовательских проектов, осуществленных сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, Центра этнологических исследований

Уфимского НЦ РАН, аналитического центра Администрации Оренбургской области; материалы социологических опросов, проведенных в рамках программы «Межэтнические отношения в Самарской области» при участии или научном руководстве автора.

В исследовании используются аналитические материалы, подготовленные автором в качестве эксперта Приволжского отделения Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в 2001 - 2003 гг. Используются материалы научно-практического семинара «Этническая среда многонациональной области» при Администрации Самарской области, руководителем которого в течение нескольких лет являлся автор диссертационного исследования.

**Состояние разработанности проблемы.** Национализм не является сугубо отечественным явлением. В истории большинства народов можно выделить периоды, в которые национализм не только «имел место быть», но и становился актуальным социально-политическим явлением. Перефразируя К. Маркса можно сказать, что национализм становился двигателем истории. Так было, например, во Франции и Великобритании, начиная со второй половины XVIII века, в Германии и других странах Центральной и Восточной - Европы, Латинской Америки в XIX - XX веках, в XX веке национализм активно проявил себя во многих африканских и азиатских странах.

Исследованиями феномена национализма занимались философы, историки, этнологи, социологи, политологи. С конца XIX века и на протяжении всего XX века происходило осмысление и изучение этого явления исследователями разных стран. На начальном этапе, вплоть до социальной революции 1917 года в процессе изучения природы национализма-активное участие принимали российские общественеды. В советский период истории они были лишены возможности объективного исследования феномена, и практически заново начинают заниматься изучением национализма только в 90-х годах XX века. К этому времени западноевропейскими и американскими учеными были разработаны теоретические модели, проведены глубокие и всесторонние исследования, написаны монографии, статьи. Заметный вклад в изучение феномена национализма внесли своими работами Х. Кон, К. Дейч, Э. Кедури, Э. Смит, Д. Брейли, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Р. Брубейкер, У. Альтерматт, Б. Андерсон и другие исследователи. Труды этих и других западных исследователей феномена национализма стали доступны широкому кругу российских ученых в конце 80-х - 90-е гг. XX века. Большинство из них еще не переведены на русский язык. Осмыслением теоретических разработок, конкретных исторических и современных социально-политических воплощений национализма, выполненных западными исследователями, активно и плодотворно занимаются В.И. Миллер, В.В. Коротева, О.В. Хованова.

Стали библиографической редкостью и поэтому вплоть до 90-х годов были труднодоступны для российских исследователей работы отечественных философов, социологов, историков, занимавшихся изучением и осмыслением природы национализма в конце XIX - начале XX вв. и, особенно, тех из них,

кто продолжил научную деятельность в эмиграции. Поэтому существенное значение имеют реферативные сборники, сборники историографических статей. Например такие, как «Национализм и формирование наций. Теории - модели - концепции» под редакцией А.И. Миллера, «Феномен наций и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья» В.Х. Болотокова и А.М. Кумыкова, антология «Национализм. Poleмика 1909-1917», составленная М.А. Колеровым, «Национализм (Взгляд из-за рубежа)» под редакцией Г.И. Иванова.

В последнее десятилетие XX века произведения многих отечественных мыслителей, созданные и опубликованные на Западе или запрещенные в СССР по идеологическим и политическим причинам, активно издавались в России. Современные российские исследователи получили возможность изучения творческого наследия Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.Н. Ильина, Н.О. Лосского, Г.П. Федотова, других мыслителей. В статьях и философских эссе русских эмигрантов «первой волны» достаточно большое внимание уделено феномену национализма. Концептуальные подходы к пониманию национализма, оценки его места и роли в истории России внесли заметный вклад в мировую науку.

Не утратили актуальности идеи и теоретические разработки «евразийцев». Трактовка национализма «евразийцами» оригинальна и, на наш взгляд, содержит в себе прообраз того, что в современной науке обозначается как «гражданский национализм».

«Евразийцы» считали, что русскую национальность нельзя сводить только к славянскому этносу, так как в нее вошли угро-финские и тюркские народы. Русская нация должна взять инициативу объединения всех этносов в единую «евразийскую нацию» и укрепить «Евразийское» государство — Россию. Таким образом, в концепции «евразийцев» обнаруживается инструменталистский подход к феномену национализма.

Интерес к изучению национализма растет во всем мире. Как, впрочем, «количественно» и «качественно» растет сам феномен. Российские исследователи смогли непредвзято, без идеологических шор приступить к изучению феномена национализма только в 90-е гг. XX века. Этому способствовали как идеологические (процесс демократизации), так и социально-политические условия (рост национальных движений, распад СССР). В современной России и других постсоветских государствах национализм проявил и продолжает проявлять себя очень активно. И это одна из основных причин увеличения числа научных работ по проблемам национализма. В 90-е годы в Российской Федерации были осуществлены первые исследовательские проекты, заложившие основу системного изучения этого феномена в условиях современного российского общества («Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов (1993-1996гг)», «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации», Институт этнологии и антропологии РАН). Исследование, проведенное в Татарстане, Северной Осетии (Алании), Туве, Саха (Якутии), позволило не



только изучить конкретные проявления национализма, но и создало возможность для теоретических построений. По результатам исследований, проведенных под руководством Л.М. Дробижевой, было издано несколько коллективных монографий. Проблемы национализма рассматривались и в рамках других исследовательских проектов, посвященных изучению различных аспектов феномена этничности.

Интерес к этничности, этнонациональной политике в условиях реформирования российского общества и государства привел к появлению значительного числа публикаций, в том числе затрагивающих проблемы национализма. Различные аспекты теории и практики этнонациональной политики современной России, осмысление ее принципов, подходов и результатов с точки зрения исторической ретроспективы рассматриваются в трудах Р.Ф. Абдрахманова, Р.Г. Абдулатипова, А.Р. Аклаева, Д.А. Аманжоловой, В.В. Амелина, М.А. Аствацатуровой, О.Ю. Березенкина, Л.Ф. Болтенковой, Н.Ф. Бугая, А.И. Вдовина, И.М. Габдрафикова, Е.В. Голошумова, М.Н. Губогло, Т.С. Гузенковой, Г.С. Денисовой, А.Б. Дзадзиева, Л.М. Дробижевой, О.М. Зазнаева, С.И. Замогильного, В.Ю. Зорина, Д.М. Исхакова, А.Д. Коростелева, В.В. Коротеевой, Р.Г. Кузеева, И.М. Кузнецова, С.В. Кулешова, С.В. Лебедева, В.И. Миллера, В.И. Мукомеля, И.В. Нам, В.И. Никитина, Э.А. Паина, Э.Д. Понарина, М.В. Саввы, Ф.Г. Сафина, З.В. Сикевич, Г.У. Солдатовой, В.А. Тишкова, В.П. Торукало, М.Х. Фарукшина, В.Р. Филиппова, Е.И. Филипповой, Р.С. Хакимова, Л.Л. Хоперской, В.Г. Чеботаревой, П.В. Чернова, С.В. Чешко, Ю.П. Шабаева, Г.В. Шешуковой, Ю.Х. Юлдашбаева, М.М. Юсупова.

Для изучения природы этнического национализма, имеющего место быть на постсоветской территории, в целом для развития теории национализма особое значение имеют работы Л.М. Дробижевой, В.В. Коротеевой, В.И. Миллера, В.А. Тишкова и ряда других исследователей.

В 90-е гг. было проведено несколько публичных обсуждений на региональных, всероссийских, международных научных конференциях как конкретных проявлений феномена национализма, имеющих место в политической практике, результатов исследований, так и теоретических аспектов названных проблем. Самое значительное достижение отечественной науки последних лет — это изменение методологии исследования феномена национализма. В советской, а затем и российской науке и политической практике термин «национализм» использовался в негативном смысле и содержал оценку определенных социальных движений, которые по каким-либо причинам недопускали до признания их «национально-освободительными». Российские исследователи стали рассматривать национализм не по идеологизированной оценочной шкале, а в качестве реально существующего социально-политического феномена. Такой подход позволил разделить точку зрения многих западноевропейских и американских ученых, согласно которой природа национализма амбивалентна и поливариативна. Изменение методологической парадигмы позволило не только использовать при анализе

разработанные западными исследователями типологии национализма, но и предложить свой вариант, более точно отражающий российские реалии.

В последнее десятилетие XX века российские исследователи, опираясь на современные методологические и теоретические подходы к феномену этничности, активно включились в процесс изучения различных аспектов этого явления. Прежде всего, в фокусе исследовательских интересов оказались ситуации в «горячих точках», проблемы этнополитической напряженности и конфликтов. Исследованием этих проблем занимались В.А. Авксентьев, В.В. Амелин, З.В. Анайбан, И.О. Бабкин, Г.Б. Балаян, А.А. Брагин, К.Г. Гусаева, В.Г. Казанцев, В.С. Ковалев, А.Ю. Коркмазов, Г.В. Лехавя, Л.С. Рубан, С.П. Свенцицкий, Д.Ю. Соин, Е.Л. Сокирянская, А.Р. Тагиров, Н.А. Федорова.

Привлекают внимание исследователей и такие проблемы как политизация этничности в современном российском обществе, роль этносов, этничности в политической жизни как Российской Федерации в целом, так и отдельных регионов. Как правило, анализируются ситуации в национально-территориальных субъектах либо, как уже отмечалось, в регионах повышенной этнополитической и социальной напряженности. Этим проблемам посвящены диссертационные исследования М.Г. Бардина, О.В. Борисовой, И.Т. Галиуллина, А.Р. Гарданова, А.М. Гафурова, Х.С. Дауткиреева, Г.С. Денисовой, Б.З. Кантемирова, В.В. Козлова, И.В. Кулешовой, А.А. Магомедова, С.Н. Лыковой, Н.А. Нестеровой, Н.Г. Очировой, Д.О. Рогозина, В.Г. Рязанова, С.А. Рязановой, З.В. Сикевич, А.Н. Смирнова, Н.В. Смольниковой, Л.Н. Татариновой, Л.Л. Хоперской, В.Р. Чагилова, П.В. Чернова, Ю.П. Шабаева.

В ряде диссертационных исследований анализируются роль, место, история развития различных форм институализации этничности. Авторы этих исследований затрагивают проблемы национализма, но, как правило, в контексте других социально-политических явлений. Например, это работы В.И. Бакланова, О.Ю. Березенкина, Р.М. Гибадуллина, С.А. Гостева, Л.В. Дмитриенко, С.А. Ильина, Л.Г. Ирильдеевой, В.В. Маресьева, Е.А. Строгановой, Ю.С. Ульяновой. Исследований, в которых национализм, или точнее — различные аспекты проявления национализма на постсоветском геополитическом пространстве рассматриваются в качестве объекта или предмета изучения, пока немного. К ним можно отнести диссертации А.И. Вдовина, Л.В. Зеленко, Л.Э. Иликовой, Л.В. Сагитовой, И.Р. Султанова.

Поскольку предметом настоящего исследования избрана «символическая продукция», производимая и транслируемая башкирской, русской, татарской «символьной элитой», то особое внимание уделялось работам, в которых анализируются: во-первых, идеологические ценности, мифы в целом либо националистические (этноцентристские) ценности и мифы; во-вторых, региональные идеологии; в-третьих, состав, функции, методы и результаты деятельности региональных этнических элит в целом и «символьной элиты» в частности; в-четвертых, СМИ как основной канал трансляции этнической «символической продукции». Прежде всего, это публикации и диссертационные исследования М.В. Белоусова, А.Р. Бикбулатовой, Р.Р. Галлямова, И.М. Габдрафикова, Т.С. Гузенковой, Д.М. Исхакова, А.К.

Магомедова, О.Ю. Малиновой, В.К. Мальковой, С.Б. Орлова, В.А. Парамоновой, Л.В. Сагитовой, Н.И. Шестова, В.А. Шнирельмана.

Все перечисленные авторы, обратившись к одному из самых актуальных, сложных, имеющих важнейшее социально-политическое значение явлений современности, внесли заметный вклад в изучение различных аспектов феномена национализма. Вместе с тем, исследования феномена национализма в современных постсоветских обществах, в том числе российском, только начаты. Предстоит дальнейшее комплексное изучение как теоретико-методологических особенностей, так и конкретных проявлений национализма, на основании которых могут быть выработаны рекомендации по оптимизации этнонациональной политики, политическому менеджменту в целом.

**Научная новизна** исследования определяется его предметом, целью и задачами. Впервые предпринимается попытка сравнительного анализа взглядов, позиций, реакции на конкретные социально-политические обстоятельства, зафиксированных в «символической продукции», вырабатываемой и транслируемой представителями башкирской, татарской, русской «символьной элиты». Впервые предпринимается попытка эксплицировать влияние этнической «символьной элиты», ее «символической продукции» на характер и направленность трансформаций этнонационализма, на региональную идеологию и политический менеджмент в условиях современной российской действительности. Русская «символьная элита» и производимая ею «символическая продукция» изучены недостаточно, а специальным предметом комплексного исследования становятся впервые. Наиболее изученной является татарская «символьная элита» и ее «символическая продукция», однако в диссертационном исследовании рассматриваются особенности их проявления в условиях Республики Башкортостан и административно-территориальных субъектов Российской Федерации (Оренбургская, Самарская области). Данное обстоятельство также можно определить в качестве научной новизны.

#### **На защиту выносятся следующие положения:**

1. «Титульность» башкирского этноса стала основанием для включения в «региональную идеологию» Башкортостана ряда концептуальных положений башкирской «символьной элиты», для легитимного или латентного патернализма этих положений и требований со стороны властвующей элиты. В результате изначально защитный характер башкирского национализма трансформируется и приобретает наступательный, радикальный характер. Официальный национализм, включенный в «региональную идеологию», из этнопатристического типа трансформируется в этноприоритетный тип.

2. Преференции в виде доступа к власти и социальным благам получают элитные группы «титульного» этноса.

3. Существенное значение в политической жизни Башкортостана имеет татарский национализм. Идеология современного татарского национализма разрабатывается, главным образом, татарской «символьной элитой» Татарстана. В условиях Башкортостана эта идеология не только транслируется, но и изменяется, корректируется под влиянием конкретных социально-

политических условий. Татарская «символьная элита» Башкортостана, побуждаемая спецификой социально-культурного, демографического, политического и отчасти экономического положения татарского населения республики, политикой властвующей элиты все активнее включает в свою «символическую продукцию» положения и требования, характерные для радикального этнонационализма.

4. В условиях административно-территориальных субъектов Российской Федерации национализм этнических меньшинств не оказывает существенного влияния на региональную политику, на социальную атмосферу, в том числе на межэтнические отношения. Это обстоятельство объясняется как объективными условиями и факторами (незначительный удельный вес в составе населения, особенности социально-профессиональной и социально-территориальной структуры населения, процессы социальной дифференциации и др.), так и субъективными. Особое значение в ракурсе анализируемой проблемы имеет приоритетность в региональной политике Оренбургской и Самарской областей гражданских ценностей. Националистическую «символьную продукцию», которую используют в своей деятельности акторы татарской и башкирской «символьной элиты» указанных регионов можно отнести к защитному культурному этнонационализму. Отсутствие этнонациональной политики, соответствующей современному социально-политическому состоянию российского общества, учитывающей специфику региональных сообществ, может изменить существующую ситуацию.

5. В Оренбургской и, особенно, в Самарской областях все более заметным и значимым явлением социально-политической жизни становится русский национализм. В регионах, на примере которых исследовался современный русский национализм, это идеологическое течение представлено в полном спектре: от либерального, этнопаритетного до радикального, этноприоритетного. Изначально защитный характер подавляющего большинства идейных конструкций, созданных акторами русской «символьной элиты», под влиянием объективных и субъективных условий и факторов в большей или меньшей степени трансформируется в наступательный, радикальный. Трансформации русского национализма имплицитно, прежде всего, ситуацией «социального риска», в которой российское общество находится почти два десятилетия. Важнейшими субъективными факторами являются, во-первых, не признанность русского национализма как такового, вне зависимости от характера, типов, легитимным политическим и идеологическим феноменом; во-вторых, «государственное сознание», то есть отождествление патриотизма и национализма, которое можно определить как экзистенциальную черту русской этничности.

6. «Символьная элита» - это политически активная социальная группа, занимающаяся идеологическим обеспечением деятельности политической элиты или контролиты, посредством создания «символической продукции», а также ее поддержания и распространения в массовом сознании. Этническая «символьная элита» создает, поддерживает и распространяет «символическую

продукцию» этнического характера, которую используют в своей деятельности этническая политическая элита или этническая контрэлита.

**Апробация и практическая значимость исследования.** Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке и реализации этнополитики как на региональном, так и на федеральном уровнях. В частности, для экспертных оценок соответствующих законопроектов, концепций, социальных и предвыборных программ, программных документов политических партий, общественно-политических, национально-культурных организаций, материалов СМИ. Определенное значение полученные результаты и выводы имеют для уточнения перспектив федерализма, совершенствования федеративных отношений в России.

Материалы исследования были апробированы в выступлениях на ежегодной областной научно-технической конференции (Самара, СамГАСА, 1996-2002гг), ежегодной итоговой научной конференции Самарского государственного университета (1998-2003 гг.), Всероссийской научно-практической конференции «Этнос и власть» (Саратов, 27-28 апреля 1997г.), III Конгрессе этнографов и антропологов России (Москва, 8-11 июня 1999г.), Региональном молодежном семинаре «Полиэтническая среда Самарской области» (Самара, май-июль 2000г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Культурная целостность и толерантность Поволжской этничности в современном пространстве русского языкового союза» (Самара, 20-21 июня 2000г.), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы разработки и реализации социальных технологий в регионах» (Самара, 14-15 декабря 2000г.), IV Конгрессе этнографов и антропологов России (Нальчик, 19-24 сентября 2001г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития» (Оренбург, 22-24 ноября 2001г.), выездном заседании-конференции Чувашского Национального конгресса (Самара, 7-8 декабря 2001г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы этнической и религиозной толерантности народов Поволжья» (Самара, 17-18 октября 2002г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Культура славян Оренбуржья» (Оренбург, 22-23 ноября 2002г.), Межрегиональной научно-практической конференции «О состоянии работы по регистрации региональных отделений политических партий, общественных и религиозных объединений, осуществлению контроля за соответствием деятельности зарегистрированных объединений уставным целям в Приволжском федеральном округе для исключения случаев политического и религиозного экстремизма» (Самара, 24 апреля 2003г.), Международной конференции «Национальные меньшинства в Российской Федерации» (Москва, 2-3 июня 2003г.), V Конгрессе этнографов и антропологов России (Омск, 9-12 июня 2003г.), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы этнокультурного развития русского народа» (Оренбург, 26-27 сентября 2003г.), Международном семинаре «Визуальный мир культуры» (Самара, 31 октября-1 ноября 2003г.), Международном семинаре «Российские и международные механизмы защиты национальных меньшинств.

Противостояние расизму и ксенофобии» (Тольятти, 20-23 ноября 2003 г.). Материалы исследования апробировались на семинарах-тренингах для журналистов, работников администраций, активистов национально-культурных центров, проходивших в Самаре и Самарской области; в выступлениях на постоянно действующем научно-практическом семинаре «Этническая среда многонациональной области» и Координационном совете по национальной политике при Администрации Самарской области.

Позиции и выводы автора нашли отражение при подготовке экспертных заключений по ряду законопроектов и материалам парламентских слушаний, подготовленных соответствующими комитетами Государственной Думы РФ. Например, «Русская идея на языке законов», «Об основах национальной политики в РФ», «О русском народе» и другие. Автор является одним из разработчиков Концепции региональной национальной политики.

Теоретические и практические результаты исследования нашли отражение в подготовке экспертных материалов для Приволжского отделения Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а также при разработке программы мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в Самарской области.

Теоретические и практические результаты исследования нашли отражение в разработанном и апробированном учебном спецкурсе «Этничность и политика».

**Структура диссертации** подчинена поставленным в ней цели и задачам. Работа состоит из введения, четырех глав (11 параграфов), заключения, списка источников и литературы (415 наименований), приложений. Общий объем диссертации составляет 388 страниц.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во введении обосновывается актуальность темы исследования; определяются объект, предмет, хронологические и географические рамки, цель, задачи, методологическая, теоретическая и эмпирическая парадигмы исследования; характеризуется степень разработанности проблемы; формулируются научная новизна, апробация и практическая значимость исследования, а также положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Феномен национализма»** рассматриваются теоретико-методологические подходы к изучению национализма, анализируются основные классификации национализма, отражающие западные и отечественные научные традиции в исследовании феномена национализма. Особое внимание уделяется проблеме соотношения патриотизма и национализма с позиций российского общественнознания и идеологов русского националистического движения.

В параграфе первом **«Методологические и теоретические подходы к изучению феномена национализма»** рассматриваются такие методологические принципы изучения национализма как историзм, учет

конкретного социально-политического контекста, социологический подход, анализируются классификации теорий национализма.

Национализм как социальное явление привлекает внимание исследователей более ста лет. В изучении теоретических аспектов, исторической и политической практики этого феномена принимали участие историки, философы, культурологи, социологи, политологи, антропологи. Долгое время национализм оставался предметом изучения историков. Возможно, это обстоятельство повлияло на традицию при анализе этого явления использовать конкретные исторические события. Методологический принцип историцизма используется во всех исследованиях, посвященных национализму: выполнены ли они в дедуктивном ключе (как, например, исследования Э. Геллнера или К. Дейча) или индуктивном, когда автор предпочитает идти от конкретики к теоретическим обобщениям (например, исследования Б. Андерсона или У. Альтерматта). В классических трудах по национализму можно встретить пассажи из древней, новой, современной истории самых разных народов и государств. Такой подход обусловлен, во-первых, самой природой национализма как феномена универсального, во-вторых, стремлением исследователей объяснить не только частные случаи, но найти типичные характеристики. Таким образом, принцип историцизма дополняется сравнительным методом (социологическим подходом). При использовании сравнительного метода неизбежно встает вопрос об оценке явления. Наиболее объективной можно считать оценку националистической идеологии и политики в соотнесении с демократическими принципами. Эта процедура не может рассматриваться как чисто логический императив: методологическим принципом изучения и объяснения национализма является обязательность обращения к социальному контексту.

В работе рассматриваются различные классификации теорий национализма. Помимо достаточно распространенной классификации, согласно которой выделяют примордиалистские, инструменталистские и конструктивистские парадигмы (как варианты: примордиализм - модернизм, примордиализм - конструктивизм), рассмотрены классификации теорий национализма, разработанные российскими исследователями В.В. Коротеевой, Э.Д. Понариным. В.В. Коротеева выделяет две основные группы: универсальные теории и частные теории. К первой группе отнесены экономические (Э. Геллнер, Т. Нэйрн), политические (Дж. Брейли, М. Манн), культурологические (Б. Андерсон) теории национализма. Ко второй группе отнесены работы К. Хэйеса, М. Гроха, Х. Кона, Э. Смита, Э. Хобсбаума, К. Дейча. Э.Д. Понарин выделяет функциональный (К. Дэйч, Э. Геллнер, У. Коннор, Л. Гринфельд), конструктивистский (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), примордиальный (П. ван ден Берге, К. Гиртц, Э. Шилз, Э. Смит), институциональный (Р. Брубейкер, Д. Лэйтин) подходы. Для сторонников функциональной школы характерен анализ национализма в контексте модернизации и социальной мобильности. Отличительной чертой конструктивистских теорий является подчеркивание особой роли элит в социальном конструировании наций. Для теорий, которые можно отнести к

институциональному подходу, характерно акцентирование внимания на роли тех или иных социальных институтов, в зависимости от этого можно выделить политологический (например, Д. Лэйтин) и социологический институционализм (например, Р. Брубейкер). Классификация, предложенная Э.Д. Понариным, предоставляет достаточно четкие ориентиры при выборе исследовательских стратегий. Однако, описание национализма как паттерна весьма трудно «накладывается» на реальные социальные и исторические процессы. Поэтому каждый исследователь выбирает свою, «удобную» с его точки зрения, позицию, применяет разнообразные наборы теоретических и логических приемов, исследовательских процедур. В конечном счете, те, кто берется упорядочить этот поток научной информации, оказываются перед сложнейшей задачей.

Анализ дефиниции национализма позволил выделить следующие «родовые» признаки:

1. Национализм - это либо деятельность в сфере политики («политическая практика» - Э. Кедури, У. Альтерматт; «политический принцип» - Э. Геллнер, Э. Хобсбаум; «политическое движение» - Д. Брейли), либо форма политики («культурная политика, направленная на построение нации» - Р. Хандлер, Б. Вильямс; «политическая программа» - Э. Хобсбаум; «форма политики» - Д. Брейли), либо форма политической культуры («позиция человека, движения, государства, задача которого — реализация национальных идей» - Р. Штурм; «форма политического сознания» - Э. Кисе);

2. Национализм - это либо идеология в целом (К. Дейч, М. Манн, Э. Кедури, К. Хэйес, Х. Кон), либо особая форма идеологии («этническая идеология» - Т. Эриксен, К. Вердери; «состояние ума» - Х. Кон), либо идеологическое движение (Э. Смит).

Все перечисленные признаки начинают «работать», когда оказываются соединенными с ключевым понятием - «нация». При этом конкретная конфигурация может быть различной. Например: «национализм является формой политического сознания, основанного на самоидентификации с нацией и лояльности к ней» (Э. Кисе); «национализм - это идеологическое движение, стремящееся добиться или поддержать автономию, единство и идентичность социальной группы, предназначенной стать нацией» (Э. Смит); «политический принцип, требующий совпадения национальной общности и государства» (Э. Геллнер).

Хотя дискуссии о нации и национализме продолжают не один десяток лет, до сих пор нет универсального определения ни того, ни другого. Но эти дискуссии привели научное сообщество к пониманию того, «что национализм — это не единое явление, а совокупность взаимосвязанных идеологий и политических практик, так или иначе ссылающихся на приоритет нации перед другими формами организации жизни».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996. – С.20.



Существуют и принципиально иные подходы к дефиниции национализма. Наиболее известна точка зрения английского культуролога Б. Андерсона. В работе «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» он трактует национальность (nation-ness) и национализм как культурные артефакты, подчеркивая, что национализм следует ставить в один ряд с такими понятиями как «родство» и «религия», а не с такими как «либерализм» или «фашизм». Подробно анализируя механизмы и способы формирования национальной (или националистической) культурной системы, Б. Андерсон особое значение придает идеологии национализма («официальный национализм», «смоделированный национализм»).

Некоторые исследователи сравнивают национализм с религией, тем самым, признавая его интеграционные и компенсационные возможности (например, К. Хэйес).

Многие исследователи национализма акцентируют внимание на еще одной его функции: этнической и политической мобилизации. Прежде всего, подобный подход характерен для социологов и политологов. Складывающиеся традиции изучения феномена национализма на пост-советской и, особенно, на российской территории выводят именно эту функцию на первый план. Объективная основа для акцентирования внимания исследователей на мобилизационной функции национализма - трансформации пост-советских социумов. В современной Российской Федерации прежняя логически законченная по форме и содержанию конфигурация государственного устройства трансформируется в новую, пока с еще неясным окончательным обликом. В ходе коренных изменений государственного устройства СССР и Российской Федерации политические элиты повсеместно использовали национализм для политической мобилизации этнических наций. Предпринимаются попытки формирования гражданских наций, как в масштабах всей Федерации («россияне»), так и на уровне некоторых субъектов («татарстанцы», «башкортостанцы»). Поэтому изучение национальных движений, их идеологии и политической практики на пост-советском геополитическом пространстве неизбежно превращает в предмет исследования мобилизационные возможности национализма. Среди субъективных факторов, определяющих интерес российских исследователей к феномену национализма, можно назвать глубоко укоренившуюся в массовом сознании, в том числе и в научном сообществе, традицию негативного, в лучшем случае, подозрительного отношения к этому явлению. Отсюда, на наш взгляд, желание разобраться в его природе и возможностях.

В современной науке общепризнанным является разделение национализма на две основные модели: гражданский национализм и этнический национализм. Гражданский национализм по экзистенциальной сущности может быть отождествлен с патриотизмом. Этнический национализм принято разделять на политический и культурный типы. В целом культурный этнонационализм признается более либеральным типом, но и он при определенных условиях может приобретать негативную направленность. Выход конфликтного потенциала из латентного состояния зависит, прежде

всего, от субъективного фактора, то есть от позиции и действий политической элиты, контр-элиты, «символьной элиты» с обеих сторон. Но в таком случае, оценивая какую-либо конкретную ситуацию, в которой используется этническая мобилизация, необходимо принимать во внимание не только конечные цели, но и средства их достижения.

Более глубокое изучение конкретных случаев национализма в ходе исследовательского проекта «Национальное самосознание: национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» позволило отечественным исследователям предложить свою типологию национализма, характерного для пост-советской территории: классический этнопriorитетный, паритетный, экономический, защитный, модернизационный или реформаторский типы.

Теория национализма включает такой актуальный аспект как соотношение, совместимость демократии и национализма. Изучение названного аспекта осуществляется с двух сторон: теоретиками демократии и теоретиками национализма. Если гражданский национализм почти единогласно рассматривается в качестве обязательного атрибута демократии, то сложнее обосновать возможность этнического национализма соответствовать либерально-демократическим принципам. Современная история изобилует примерами, когда этнонационализм не только раскалывал общество, но и становился катализатором конфликтов. Неслучайно, что проблема совместимости именно этой разновидности национализма с демократией привела к дискуссии в мировой политологической и социологической литературе. Активное участие в дискуссии принимали и российские исследователи, например Л.М. Дробижина, О.Ю. Малинова, В.А. Тишков. Особое значение для понимания проблемы совместимости демократии и национализма имели работы таких исследователей как Д. Горвиц, А. Лейпхарт, М. Линд, Д. Миллер, А. Рабушка, К. Шепсли, К. Янг, рассматривавшие судьбы демократии в полиэтничных обществах. При этом просматриваются две позиции: отрицание или сомнение в совместимости демократических ценностей и национализма (А. Рабушка, Д. Горвиц, К. Шепсли); убежденность в том, полиэтничные и иные плюралистические общества могут быть преобразованы на демократических основах (А. Лейпхарт, Д. Миллер, Й. Тамир, М. Линд, Г. Готлиб). Несмотря на то обстоятельство, что теория «консоциальной демократии» А. Лейпхарта подверглась серьезной критике, сама теоретическая модель представляет интерес для изучения конкретных случаев. В частности, идею пропорционального представительства по этническому признаку при формировании органов власти и других социальных институтов нередко отстаивают представители националистических организаций. Например, эта идея присутствует в программе Народно-патриотической партии России, принимавшей участие в составе блока «Родина» в парламентских выборах 2003г.

Таким образом, национализм с позиций современного общественнознания рассматривается как поливариативный и амбивалентный феномен. В

сложившихся к настоящему времени трактовках феномена национализма отчетливо прослеживается влияние нескольких факторов. Одним из таких факторов выступают традиции, свойственные российской науке в последние два столетия ее существования, а также свойственные различным зарубежным научным школам. Другой фактор — постоянный прирост методологического обеспечения гуманитарных исследований. Появление новых фундаментальных теорий провоцировало соответствующую адаптацию к ним методологии и частных методик исследования проявлений национализма. Значимым фактором была идеологическая конъюнктура, побуждавшая специалистов «привязывать» свое понимание ключевых категорий и всего феномена национализма в целом к ценностному полю практической политики. В конце XX века серьезному пересмотру подвергся стереотип о несовместимости либерализма, демократии и национализма. Сегодня активно разрабатывается и находит все больше сторонников концепция либерального национализма.

В параграфе втором **«Патриотизм и национализм в российском измерении»** рассматриваются особенности восприятия этих феноменов массовым сознанием россиян, прежде всего русских, а также их рефлексия идеологами русского национализма.

В параграфе подробно проанализированы программные документы, статьи и выступления акторов политических партий и организаций, идеология которых основывается на постулатах русского национализма либо включает эти постулаты.

В политическом пространстве современной России идеологемы патриотического и националистического характера стали «опознавательным знаком», «маркером» вполне определенных политических сил. Во-первых, это различные организации, сформированные по этническому признаку: Татарский общественный центр, Всемирный курултай башкир, Чувашский национальный Конгресс, Русский национальный собор и множество других. Во-вторых, «левые» общественно-политические движения и партии (партии «социальной справедливости»): Коммунистическая партия Российской Федерации, Народно-патриотические Силы России, Народно-патриотическая партия России, Национально-патриотические силы РФ и ряд других. В-третьих, собственно «русские националисты»: Народная национальная партия, Национально-державная партия России, Русская патриотическая партия и ряд других. В основе идеологии организаций, отнесенных к первой группе, — различный по характеру культурный либо политический этнонационализм. Идеологическая основа организаций второй группы — это, прежде всего, патриотизм, при этом некоторые из них используют и риторику этнонационализма (НППР). Идеология организаций, отнесенных к третьей группе, — радикальный этнонационализм.

Политическая ситуация, сложившаяся в стране в начале XXI века «заставила» обратиться к риторике патриотизма лидеров многих политических организаций, в том числе и тех, которые привыкли использовать совершенно другой набор ценностей. Их понимание сущности этого феномена коренным образом отличается от позиций «патриотической оппозиции», которая все

больше предпочитает говорить о национализме. Однако, «размежеванием» национализма и патриотизма некоторые идеологи русских националистических организаций занимались еще в начале 90-х годов. Например, А. Баркашов в «Азбуке русского националиста» писал, что в условиях современной России патриотизм и национализм – разные понятия, а русский человек должен быть националистом, то есть ставить Nation превыше всего, но не патриотом, «потому что государство антирусское».<sup>1</sup>

Анализ националистических дискурсов позволяет сделать следующий вывод: для идеологии русского национализма характерным является отождествление патриотизма и национализма. При этом акторы радикального национализма, отрицая гражданский патриотизм, обосновывают теоретическую и политическую значимость национального (этнического, русского) патриотизма. «Русский национальный патриотизм» рассматривается как основной способ возрождения, спасения России, обескровленной либерально-рыночными реформами, как единственная возможность сохранить национальную государственность и противостоять глобализации. Под влиянием исторических обстоятельств эту позицию, первоначально характерную для радикальных националистических организаций, начинают разделять «умеренные» националисты и партии «социальной справедливости».

Принимая во внимание исторические традиции, менталитет русского народа, то существенное обстоятельство, что русские составляют подавляющее большинство населения России, тем не менее более целесообразными представляются позиции тех политических сил, которые пытаются мобилизовать гражданский национализм (общероссийский, государственный патриотизм). Основной довод в пользу этой точки зрения: социально-политические процессы последних пятнадцати лет актуализировали этническое самосознание большинства российских «коренных» народов, изменили их социальный статус. Особенно эти изменения заметны у «титულных» этносов. Некоторые из них, если не все, уже не хотят довольствоваться пассивной ролью, а претендуют на партнерские отношения, на активное участие в современной истории. Конечно, речь идет, прежде всего, о политической и «символьной» элитах, но и массовое сознание, массовое настроение заметно изменились. Это обстоятельство патриотическая оппозиция не учитывает.

Советский народ, советский патриотизм — эти понятия не этнического, а политического лексикона. Другими словами, с их помощью можно характеризовать политические общности, и в этом смысле правомерно говорить о советской нации и присущем ей гражданском национализме. Но это уже достояние истории. Тот национализм, который имеет место быть в современной России – русский, башкирский, татарский и т. д. – это этнический национализм. И российскому обществу еще предстоит снова «созреть» до гражданского национализма, без которого России как государству не восстановить свою мощь.

<sup>1</sup> Баркашов А. Азбука русского националиста. – М., 1994. - С.79

Во второй главе «**Элита и символы**» рассматриваются подходы к изучению феномена элиты на концептуальном и операциональном уровнях. Обосновывается авторское определение категории «символьная элита», анализируются элементы «символической продукции». Подробно охарактеризована «символическая продукция» этнической «символьной элиты». Проанализированы результаты экспертных интервью с акторами региональной этнической «символьной элиты».

В параграфе первом «**Символьная элита**» как **специфическая социальная группа**» определяется дефиниция и функции этнической «символьной элиты».

В ходе первых исследований процессов институализации этничности, в том числе распространения националистической идеологии и политики, особое внимание уделялось роли интеллектуальных элит. При этом сам термин «символьная элита» еще не использовался. Его заменял термин «интеллектуалы», который применялся по отношению к той группе интеллигенции, которая занималась разработкой идеологии национализма, ее демонстрацией и мобилизацией других членов социума. Существуют подробные описания группы «интеллектуалов». Например, Л.М. Дробижина определяла ее акторов следующим образом. Политологи, социологи, юристы, историки, философы, филологи формулируют идеи, создают программы национальных движений или выступают идеологами властных структур, борющихся за самоопределение, суверенитет или независимость. Художественная интеллигенция своими произведениями пробуждает этнические чувства, дает эмоциональный фон распространяющимся идеям. Журналисты, телевизионщики тиражируют идеи на массовую аудиторию, а учителя воспитывают молодое поколение. Л.В. Сагитова, использующая в своих исследованиях термин «символьная элита», относит к этой группе научную и творческую интеллигенцию, которая создает и тиражирует посредством СМИ этнические ценности и символы. Журналисты, телевизионщики, учителя, то есть те, кто распространяет разработанную «символьной элитой» идеологию, она относит в группу - посредник.

Предложенное Л.В. Сагитовой определение требует уточнений. Во-первых, понятие «творческая интеллигенция» далеко не однозначно. Традиционно сюда относят писателей, художников, композиторов, артистов. Эту группу также называют «художественная интеллигенция». Некоторые исследователи к «творческой интеллигенции» относят и представителей других профессий, учитывая такие критерии как содержание и характер труда: например, архитекторов и журналистов. Во-вторых, среди тех, кто входит в группу - посредник, также есть творцы «концептуальных механизмов поддержания универсумов», или «символической продукции». Например, некоторые ведущие журналисты не довольствуются ролью «трансляторов» чужих идей, а сами их вырабатывают. Еще более распространенное явление - творческая интерпретация журналистами готовой «символической продукции». В-третьих, означает ли сам факт принадлежности к двум названным в определении группам интеллигенции, последующую предписанность — стать

«символьной элитой»? Очевидно, что нет. Далеко не все представители научной и творческой интеллигенции даже потенциально готовы включиться в процесс создания новых идеологических ценностей. Существенной представляется такая характеристика как политизированность той части интеллектуалов, которые при определенных условиях готовы стать «символьной элитой». Собственно, все исследования, так или иначе рассматривающие участие и роль национальной интеллигенции в политических процессах конца 80-х - 90-х гг. на бывшем советском геополитическом пространстве, обращаются именно к политически ангажированной части интеллектуалов. В-четвертых, хотя СМИ являются важнейшим каналом распространения идеологических концепций (в том числе этнических ценностей и символов), но не стоит забывать о возможностях системы образования. Неслучайно и политическая элита республик, и национальная «символьная элита», интеллигенция в целом уделяют столько внимания становлению и развитию системы национального образования. Кроме того, хотелось бы подчеркнуть возможности предвыборных кампаний и культурно - массовых мероприятий в распространении продукции «символьной элиты».

Этническая «символьная элита», как показывает анализ политических процессов и «региональных идеологий», работает как с политической элитой, так и с различными группами политической контрэлиты. Это означает, что часть «символической продукции», выработанной этнической «символьной элитой» используется не только националистической оппозицией, но и в официальной региональной политике.

Таким образом, ни сама этническая «символьная элита», ни производимые ею идеологические конструкции («символическая продукция») не могут рассматриваться как гомогенные субстанции. Профессиональный состав «символьной элиты» можно определить только приблизительно, поскольку обнаруживаются различные исключения. Так, в ходе исследования удалось установить, что активное участие в интерпретации и распространении идеологии русского национализма принимает техническая интеллигенция, бывшие военные. Однозначно можно говорить о политизированности тех, кто может быть отнесен к «символьной элите. Не вызывают сомнения и функции, осуществляемые «символьной элитой».

Таким образом, «символьная элита» может быть определена как политически активная социальная группа, занимающаяся идеологическим обеспечением деятельности политической элиты или контрэлиты. Идеологическое обеспечение предусматривает создание ценностей и символов, а также поддержание и распространение в их массовом сознании. Если ценности и символы носят этнический характер, то и направлены они на обеспечение соответствующей политики. Предложенный функциональный подход представляется достаточно объективным, кроме того, он позволяет более свободно маневрировать в исследовательском поле. Например, искать потенциальных представителей «символьной элиты» в общественных и политических организациях, в СМИ, а не только среди научной и творческой интеллигенции.

В параграфе втором «**Элементы «символической продукции»** анализируются сущность и взаимосвязь таких элементов идеологии как символы, мифы, ценности. Особое внимание уделено этническим символам, мифам, ценностям, «региональной идеологии».

В своем анализе автор исходит из того, что символы, как и другие элементы культуры, регулируют и контролируют поведение людей, упорядочивают социальную жизнь. Символы, или более точно - символика, то есть совокупность символов, - изначально имели этнический характер. Символы обязательно подтверждаются мифом. Под мифом понимается объяснительное повествование, включающее элементы реальности и ментальные представления о них. В современных урбанизированных обществах сфера проявления этнической символики является довольно ограниченной. Этнические символы помимо основной функции — удовлетворение тех или иных потребностей своих носителей — являются маркерами, отличительными знаками. Повсеместно в ходе этнического ренессанса последнего времени можно наблюдать стремление возродить, (вос) создать этнические символы: гербы, флаги, памятники национальным героям, произведения национальных классиков и так далее, вплоть до популяризации игры на национальных инструментах. Возрожденная символика предполагает возрождение мифов. Но мифов «осовремененных», отражающий менталитет современного индивида и общества. В этих новых мифах можно увидеть не только собственно этнические элементы, но и «следы» современной культуры, в том числе политические «мотивы».

Все исследователи мифологии признают значимость мифов не только для традиционных обществ, но и для современных рационализированных социальных систем. В частности, изучение роли политического мифа, националистического и этнического мифов подтверждает устойчивость мифологического мышления.

Анализ национальных движений, имевших место на пост - советском пространстве, позволяет увидеть не только типичные сюжеты в их развитии, способах действия политической и «символьной» элит, но и некоторые тенденции. Так, чем радикальнее цели и средства, предлагаемые политической и «символьной» элитами, тем активнее используются символы и мифы. Этот вывод отчетливо подтверждается динамикой русского национализма: не смотря на доминирование русских в большинстве сегментов российского социума, идет активная мифологизация жизненного пространства русского этноса. Объяснить такое повышенное внимание к мифам можно, если обратиться к функциональной стороне феномена: особое значение имеют такие функции мифа, как формирование коллективной идентичности и ее поддержание. В периоды системных кризисов, когда общество пребывает в состоянии аномии, коллективная идентичность приобретает особую значимость. Один из надежных способов поддержания коллективной идентичности и, в частности, этнического самосознания — обращение с помощью мифов и символов к эмоциям. Реализация коллективной идентичности происходит через ценности и нормы. Так этническая символика и мифы включаются в систему ценностей.

Под ценностью в нашем исследовании понимался компонент социальной системы, наделяемый индивидуальным или общественным сознанием особым значением. Ценностью может обладать любой реальный или воображаемый объект при условии, что он служит фокусом устремлений, желаний групп или индивидов, рассматривается как важное условие существования. Ценности — это представления, которые дают возможность индивиду ориентироваться в социальном пространстве. Поскольку ценности являются «общественным достоянием», то есть разделяются большим или меньшим количеством других индивидов, они упорядочивают это пространство. И хотя в современном обществе господствуют не этнические, а универсальные ценности, на уровне «культуры повседневности» остается место для таких образцов поведения, которые «пронизаны» этничностью.

Этнические ценности проявляются и на идеологическом уровне. Рассматривая идеологию как систему идей, выражающих коренные интересы больших социальных общностей, в том числе этносов (наций), можно эксплицировать факторы и условия, при которых этические ценности становятся идеологическими. При том следует иметь в виду, что идеологизированные этнические ценности могут «уживаться» с демократическими и либеральными. Проблема соотношения является сложной и с точки зрения научного анализа, и с позиций конкретной политики. Опыт формирования и утверждения новых демократических идеологий в пост-советских государствах убеждает в том, как сравнительно легко происходят трансформации, в результате которых ценности меняют характер и направленность.

Анализ включенных в исследование документов позволил сделать следующее заключение: в ряде республик Российской Федерации, начиная с середины 90-х, создаются вполне различимые официальные «региональные идеологии», в которых в большей или меньшей степени используются этнонациональные ценности. Примерами действия таких «региональных идеологий» являются Башкортостан, Татарстан, Чувашия, Саха (Якутия). В Чеченской республике создание своей «региональной идеологии» произошло в первой половине 90-х годов. Понимая под «региональными идеологиями», прежде всего, официальную идеологию политической элиты, подчеркнем, что во всех перечисленных субъектах федерации (и ряде других) существуют и другие идеологические системы, отражающие интересы социальных групп, проигнорированные или недостаточно представленные в официальной идеологии. При этом оппозиционность последних зависит от ряда объективных и субъективных факторов. Официальные «региональные идеологии» Башкортостана и Татарстана включают следующие идеологемы: «Башкортостан — общий дом для проживающих здесь народов», «Татарстан — общий дом для проживающих здесь народов»; «Башкортостан - опора башкир всего мира», «Татарстан - опора татар всего мира». В реальной политике последние две идеологемы превалируют над гражданскими установками. В результате сформировалась и продолжает набирать силу оппозиция, идеологи которой делают ставку на демократические, гражданские ценности



Существование «региональных идеологий» в ряде республик РФ накладывает отпечаток на процесс формирования общероссийской государственной идеологии. Поиск «национальной идеи», то есть общероссийской идеологии, явно затянулся. На наш взгляд, не учитывать идеологические реалии, порожденные асимметричной федерацией, уже невозможно. Скажем точнее - необходимо учитывать факт существования «региональных идеологий» с целью консолидации российского общества и укрепления российского государства.

В параграфе третьем **«Основные характеристики националистического мифа»** на примере «символической продукции», создаваемой и транслируемой русской, чеченской, татарской, башкирской «символьной элитой», рассматриваются типичные для националистической идеологии мифы-представления.

Понимая миф как повествовательное описание материальных и духовных фрагментов реального мира, описание, хотя и предполагающего некую отрешенность, неточность, но все-таки не являющегося абсолютным обманом, вымыслом, подчеркнем, что этничность неразрывно связана с мифом. В этом смысле мифологизирована вся структура этнического самосознания, включающая когнитивные, эмоциональные и поведенческие элементы. Нередко в основе этнических мифов обнаруживаются мифы другого свойства, предполагающие не истолкование имевших место быть событий, реальных фактов, а «изобретение», выдумывание в буквальном смысле слова. Сила эмоционального воздействия таких мифов-сказок, убежденность в их истинности авторов и конституентов превращает их в мифы-представления этнического самосознания.

По прошествии почти пятнадцати лет со времени активизации национальных движений можно с достаточной уверенностью говорить и об основных этапах в их развитии, и о мобилизующих проблемах, и о квинтэссенции этих проблем — характерных идеологемах. Значимость тех или иных проблем варьировалась на разных этапах, их конкретное содержание зависело от места действия. Типичными можно считать темы экологии и здоровья народа; ущерба, нанесенного национальной культуре и особенно языку; древней и героической истории народа; необходимости восстановления или укрепления государственности; необходимости срочных мер по спасению национального самосознания, культуры. И как своеобразный итог разработки перечисленных тем можно рассматривать создание двух образов: *образ «народа-жертвы» и образ «врага» («врагов»*).

Анализ дискурсов убеждает, что образы «народа-жертвы» и его «врагов» имманентно присутствуют в идеологии этнонационализма. Вместе с тем, можно определить особенности в развитии русского национального движения: 1) нарастание русского национализма в Российской Федерации начинается примерно с середины 90-х годов, то есть когда титульные этносы уже достигли некоторых результатов в виде суверенитетов и их активность заметно снизилась; 2) в союзных и автономных республиках движения буквально

вырвались из латентного состояния и превратились в активные политические силы, русское национальное движение развивается медленно, противоречиво.

Великое прошлое укрепляет этническое самосознание, поэтому существенное внимание в националистической идеологии уделяется великой, героической, древней истории. Еще одна особенность воздействия на массовое сознание исторических мифов: чем ближе по времени находится событие, воспринимаемое как героически-трагическое, тем острее, эмоциональнее оно переживается живущими поколениями. Убедительным примером служит современная история чеченского народа. Роль исторических и этнополитических мифов в развитии чеченского национального движения рассмотрена в ряде исследований, наиболее полная и всесторонняя интерпретация сделана В.А. Тишковым в монографии «Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны».

В отличие от рефлексирующей интеллигенции так называемые «простые люди» стремятся овестествить абстрактные образы. Эту особенность человеческого мышления «привязывать» идеи к определенным вещам, которые символизируют данные идеи, была подробно проанализирована Э.Дюркгеймом. В контексте нашего исследования идея Э.Дюркгейма помогает объяснить рост русофобии и в Чечне, и в других регионах «взорвавшейся» политизированной этничности. Русские оказались символами имперского центра. Но и русские включились в процесс депривации. В регионах открытых конфликтов образ «врага» был конкретным и узнаваемым, дополнялся мифологизированными гетеростереотипами. В результате сложился некий собирательный, страшный образ «чечена», «дага», «азербота», «кавказца» и т.п. Этот образ вышел за локальные рамки и стал использоваться повсеместно. В русском националистическом мифе «врагов» несколько: Запад (как вариант - американцы), евреи (как вариант - мировой сионизм), кавказцы (как варианты - южные народы, «черные», исламисты).

Несмотря на очевидность того факта, что от либерально-рыночных реформ пострадали подавляющее большинство советских и российских граждан независимо от национальной принадлежности, русская «символьная элита» постоянно подчеркивает национальность жертв реформ, а тема геноцида русского народа не сходит со страниц соответствующих печатных изданий. Так демографические показатели превращаются в политические. Точнее, делаются попытки использовать «образ жертвы», как и «образ врага», в целях политической мобилизации.

Природа национализма предполагает обязательное обращение к еще одной «мифической» теме, а именно, к теме государственности. При этом возможны как историческая ретроспектива, так и современные проблемы государственного строительства. Русские националисты говорят о необходимости укрепления российской государственности. И с этим трудно не согласиться. Но одним из основных способов достижения поставленной цели считают официальное закрепление за русским народом статуса государствообразующего. Представляется, что данный статус есть категория историческая, а не юридическая. История России уже доказала правомерность

определения русского народа как государствообразующего. Башкирская и татарская «символьная элита» пытается ввести в политическую практику и в правовое поле подобную категорию, а именно - «республикообразующая нация».

Таким образом, националистический (этноцентристский) миф выполняет две основные функции: адаптационно-защитную и инструментальную. Адаптационно-защитную функцию некоторые исследователи предпочитают называть компенсаторной. На наш взгляд, более точно выражает сущность этноцентристского мифа первое понятие, которое фиксирует имманентное качество подобного мифа.

В параграфе четвертом **«Актеры региональной «символьной элиты»** анализируются результаты полуформализованных экспертных интервью с идеологами, лидерами и активистами национально-культурных, общественно-политических организаций, политических партий.

Этническое самосознание как индивидуальное, так и социальное, проявляется на психологическом и идеологическом (когнитивном) уровнях. Предмет исследования предполагал обращение к феномену группового этнического самосознания на идеологическом уровне. В реальности психологический и идеологический уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены. Групповое самосознание имплицитно индивидуальное, и в силу этого распространенные в группе этнические стереотипы, ценности, мифы влияют на индивидуальные установки. Функциональная особенность «символьной элиты» - создание, поддержание и распространение мифов-представлений (и мифов-вымыслов), на основе которых создаются идеологические ценности, идеология. Это не означает, что сами представители «символьной элиты» свободны от влияния существующих этнических стереотипов, аттитудов, идеологических конструкций других социальных общностей. Анализ идеологических построений, создаваемых башкирской и татарской «символьными элитами», убеждает в том, что рефлексия происходит не только на внутри этническом пространстве, но постоянно присутствует республиканский и общегосударственный социально-политический контекст. При разработке анкеты для экспертного опроса была сделана попытка учесть все указанные обстоятельства. В частности, включая в анкету шкалу типов этнической идентичности, мы исходили из предположения, что характер этнической идентичности идеологов и лидеров национальных организаций оказывает определенное влияние на создаваемую ими «символическую продукцию». Подавляющее большинство вопросов направлены на определение позиции эксперта по значимым этническим, этнополитическим, межэтническим проблемам. Шкала, предложенная для ответа на вопрос «С какими характеристиками современной ситуации Вы бы согласились?», состоит из типичных утверждений (идеологем), характерных для «демократической» и «национально-патриотической» идеологических конструкций, имеющих место в современной России. Включая их в анкету, мы исходили из предположения, что таким образом можно хотя бы в самом общем виде получить информацию о политических установках экспертов.

Анализ полученных в результате опроса материалов позволяет выделить некоторую специфику социальных позиций экспертов, представляющих русскую, башкирскую и татарскую «символьную элиту». Результаты экспертного опроса и его интерпретация коррелируются с результатами качественного неформализованного анализа «символической продукции», включенной в исследование. По нашему мнению, эти результаты можно интерпретировать как более уверенную социальную и политическую позицию татарской «символьной элиты». Подобная позиция имманентна восприятию и оценке статуса татарского этноса в современной истории России. Башкирская «символьная элита» такой уверенности пока не имеет, равно, как социальный статус башкирского этноса представляется ей недостаточно прочным. Эксперты, представляющие русскую «символьную элиту», акцентировали внимание на трагическом положении русского народа и способах его спасения, демонстрируя при этом типичные для этой группы аттитюды.

Можно выделить следующие способы «спасения России, русских»:

1. *Политический протекционизм.* Представлен следующими индикаторами: «русский народ должен иметь свою государственность»; «надо признать Россию мононациональной, православной страной»; «в управлении страной ввести пропорциональное представительство»; «изменить позицию власти по отношению к русским»; «признать их государственнообразующим народом»; «в Конституции записать, что русские являются государственнообразующим народом, это означает, что у власти будут русские, а не евреи»; «осознание того, что русский народ наделен правами и ответственностью». К этому можно добавить, что половина экспертов положительно относится к идее внесения поправки в Конституцию РФ о суверенитете русского народа на всей территории России. Мотивация: «у русских нет своей государственности».

2. *Культурный протекционизм.* Представлен индикаторами: «воспитывать чувство собственного достоинства»; «вернуться к корням»; «надо воспитывать духовность, государственность, восстановить историческую память»; «вера спасет русских, она дает целостный взгляд на мир и плюс деятельностная работа в экономике»;

3. *Гражданский утопизм.* Представлен индикаторами: «самоорганизоваться на своей российской евразийской территории, с учетом интересов других этнических массивов», «надо восстановить общину». На этом строится идеология Единой Семейно-Вечевой Общины «Русский мир». Предполагается путем самоорганизации возродить территориальные и профессиональные общины, на основе переустроить общество.

Все три группы способов «спасения России, русских» вполне «вписываются» в общероссийское идеологическое поле русского национализма. Удалось зафиксировать определенные расхождения позиций экспертов по законодательному решению проблем статуса русских. Среди экспертов, представляющих русскую «символьную элиту», популярна идея конституционной поправки о суверенитете русского народа на всей территории Российской Федерации. Представители татарской и башкирской «символьной

элиты» отвергают этот вариант, некоторые из них поддержали идею создания Русской республики. Эту идею категорически отвергли все эксперты из русской группы.

Подведем итог. Объем выборки экспертного интервью не позволяет делать выводы об однозначной зависимости этнополитических позиций, этнических и межэтнических представлений от типа этнической идентичности представителей «символьной элиты». Однако вероятность такого влияния существует и очень велика. Прежде всего потому, что сама эта идентичность осознается респондентами через призму своего конкретного опыта политического участия и опыта политического участия той социальной группы или группы элиты, с которой себя ассоциирует респондент. При этом, идентичность коррелируется еще и с представлением респондентов о своих возможных, но не реализованных потенциях политической активности, то есть политическими амбициями. Для амбиций всегда есть препятствия, и они в ситуации этнонационализма очень четко позиционируются при помощи образа «врага». Сама по себе эта «техника» самоидентификации, как нам представляется, генерирует дополнительный заряд агрессии и ксенофобии в любой форме и любой идее этнического национализма. Заряд, сдерживать который, или, напротив, активировать — целиком и полностью зависит от общего стиля взаимодействия региональных и федеральных культурных и политических элит. Ситуация с дискуссиями и административными мероприятиями по поводу региональных идеологий это наглядно обнаруживает.

В третьей главе **«Националистическая идеология в современной России»** представлены результаты анализа «символической продукции», созданной башкирской и татарской «символьной элитой» в проекции на социально-политический контекст Республики Башкортостан, Российской Федерации.

В параграфе первом **«Мифы и идеологиемы башкирского национального движения»** на основании контент-анализа документов башкирских общественных организаций Башкортостана (1990-2002гг.), неформализованного анализа текстов периодики, стенограмм Первого и Второго Всемирных курултаев башкир анализируются идеологиемы, характерные для башкирского национального движения. Логика анализа эксплицируется социально-политическим контекстом.

После принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан (1990г.) башкирская «символьная элита» активно включилась в национальное движение. Основная функция, которую башкирские интеллектуалы довольно успешно осуществили - это обоснование необходимости государственного самоопределения башкир как основного способа возрождения и сохранения этноса. Все последующие годы именно эта функция, востребованная политической этноэлитой, превалировала в «символической продукции» башкирской «символьной элиты». Часть требований, сформулированных и транслируемых в массовое сознание «символьной элитой», вошли в официальную идеологию и политическую

практику либо легитимно, либо в латентной форме. Под легитимным вариантом подразумеваются соответствующие законодательные акты, например, Закон «О языках народов Республики Башкортостан», Закон «О Президенте Республики Башкортостан», Закон «О выборах Президента Республики Башкортостан». Под латентным вариантом подразумевается политическая и социальная практика протекционизма в отношении представителей башкирской нации в доступе к власти, социальным благам.

Благодаря деятельности «символьной элиты» и поддержке политической элиты «титულность» башкирского этноса постепенно из идеологической ценности превращалась в ценность политическую. Это означает, что часть требований националистически настроенной башкирской интеллигенции принимались политической элитой, вводились в политическое поле. Дальнейшие события показали, что статус «титульного» народа и тезис о самоопределении привели к активному заполнению властных структур, социальных институтов представителями «титульного» этноса Башкортостана. При этом политическая элита включила в официальную «региональную идеологию» и политику далеко не все идеи и требования башкирских националистов. Возможно не потому, что не разделяла их, а из-за опасения обострения межнациональных отношений в республике. Позднее добавился еще один фактор: окрепший федеральный центр. Положения этнонационализма, включенные в «региональную идеологию», способствовал формированию и постепенному усилению оппозиции. Уже в 1992 году возникла организация «Русь», которая стремилась защищать интересы русского населения республики. В конце 90-х годов организация отказалась от этнической идеологии и приняла общегражданскую идеологию. В начале 2001 года в республике было образовано гражданское общественное движение «Равноправие». В движение вошли оппозиционные организации, включая «Русь». Оно объединило граждан разных национальностей, в том числе и «титульной».

Отметим особое расположение политической элиты Башкортостана к Всемирному курултаю башкир. В результате патерналистской политики произошло сращивание общественной и государственной инициативы, общественной организации и государства. Однако дать однозначную оценку этому феномену сложно. С одной стороны, создание такого рода общественных организаций можно классифицировать как культурный этнический национализм защитного характера. С другой стороны, политическая, правовая, утилитарная, информационная поддержка государственных органов заставляет оценивать такого рода феномен как политический этнонационализм.

Тексты проанализированных документов, дискурсы периодики, в частности журнала «Ватандаш» («Соотечественник»), содержат следующие идеологемы: «История у башкир - древняя и достойная»; «Башкиры обладают достойными чертами характера и менталитета»; «Башкирский этнос находится в критическом положении»; «Здоровье и среда обитания башкирского этноса вызывают опасения»; «Башкиры слабо представлены в органах власти и в бизнесе»; «Башкирский народ должен иметь особые права в Башкортостане»;

«В социально-экономической сфере Башкортостана сложилось очень тяжелое положение»; «В суверенном Башкортостане достигнуты заметные успехи»; «Башкортостан - общий дом для всех проживающих здесь народов»; «Главная опасность исходит от татар»; «Башкиры и татары — близкородственные народы, поэтому должны сотрудничать»; «Оппозиция башкирскому национальному движению наносит урон делу возрождения башкирского этноса и всего Башкортостана»; «Башкортостан должен добиться подлинного суверенитета, стать полноправным субъектом Федерации»; «Необходимо сохранение суверенитета Башкортостана в составе Российской Федерации»; «Необходимы специальные меры по спасению башкирского этноса, укреплению его статуса» (Классификатор контент-анализа представлен в приложении).

Анализ индикаторов, раскрывающих идеологию, позволил сделать вывод о присутствии в идеологии башкирского национального движения («символической продукции» башкирской «символьной элиты») образов «народа-жертвы» и его «врагов». Нет сомнений в том, что эти образы конструировались на основе мифов-представлений, которые интерпретировались и акцентировались таким образом, что в массовом сознании формировались яркие, убедительные коллективные образы «народа-жертвы» и его «врагов». В качестве «врагов» фигурируют «имперский центр», «оппозиция», «татары».

Анализ дискурсов Первого и Второго Всемирного курултая, печатного органа его Исполкома (журнал «Ватандаш») позволяет подтвердить вывод о том, что Башкортостан в мифах-представлениях создаваемых и рефлекслируемых башкирской «символьной элитой» предстает как *государство башкир*. Вместе с тем, представители «символьной» и политической элиты постоянно декларируют позитивность факта полиэтничности республики. Другими словами, башкирская «символьная» и политическая элита не оппозиционируют Башкортостан как *государствотолькобашкир*.

Политический реализм заключается в том, что этноэлита не только признает факт многонациональности государственного образования, а это нашло подтверждение в официальных документах, но и пытается проводить соответствующую политику. В идеологии данная позиция нашла отражение в дефиниции «башкортостанцы».

На наш взгляд, анализируемая нами коллизия пока не нашла адекватного решения ни в государственной концепции этнонациональной политики, ни в «региональных идеологиях».

Таким образом, идеология башкирской «символьной элиты» была воспринята политической этноэлитой, некоторые ее постулаты и требования стали составной частью официальной «региональной идеологии». По мере приобретения политической легитимности, изначально защитный характер башкирского национализма трансформировался в радикальный национализм. Радикализм выражается в политике приоритетности групповых прав по этническому признаку по отношению к гражданским правам. Эта политика осуществляется на основе концептуального принципа «права нации важнее прав личности», дополненному тезисом «Башкортостан - единственное место в

мире, где башкирской нации могут быть созданы оптимальные условия для сохранения и развития». В результате созданы политические и социальные условия, ущемляющие гражданские права как представителей «нетитульного», так и представителей «титульного» населения республики. В сложившейся ситуации идеология, или более точно - некоторые мифы-представления этнического национализма - используются властвующей этноэлитой для укрепления и сохранения своих позиций. Этнический национализм остается актуальным социально-политическим и социально-культурным феноменом.

В параграфе втором **«Мифы и идеологемы татарского национального движения»** на основании контент-анализа документов татарских общественных организаций Башкортостана (1989-2002гг.), неформализованного анализа периодики и стенограмм съездов Всемирного Конгресса татар анализируются идеологемы, характерные для татарского национального движения в специфичных условиях Башкортостана, Оренбургской и Самарской областей. Включенные в анализ образцы «символической продукции» татарской «символьной элиты» Башкортостана коррелируются с образцами «символической продукции» башкирской «символьной элиты».

На основании контент-анализа выделены следующие идеологемы: «История татар - древняя и достойная»; «Татары обладают достойными чертами характера и менталитета»; «Единение татар необходимо»; «Единение татар необходимо, Татарстан выполняет в этом процессе главную роль»; «Татарская нация занимает достойное место в современном российском обществе»; «Необходимы конкретные меры по возрождению и развитию татарского этноса»; «Присоединение Уфимской губернии к Башкирии - историческая ошибка и ее надо исправить»; «Политика федерального центра - это продолжение прежней несправедливой политики по отношению к нерусским народам»

Перечисленные идеологемы можно рассматривать в качестве типичных для татарского национального движения. Представители татарской «символьной элиты» Башкортостана, хотя и использовали их, но явно акцентировали внимание на других проблемах. Специфические идеологемы, создаваемые и транслируемые татарской «символьной элитой» Башкортостана: «В Башкортостане татары находятся в униженном положении, подвергаются дискриминации»; «В Башкортостане создаются преимущества для башкир, все остальное население дискриминируется»; «Необходим целый комплекс мер для решения проблем татарского населения Башкортостана»; «Необходим целый комплекс мер по решению проблем населения Башкортостана» (Классификатор контент-анализа представлен в приложении).

Часть идеологем можно рассматривать как отражающие гражданские интересы населения республики. Изучение индикаторов, раскрывающих содержательный аспект этих идеологем, показывает, что они также имеют этническую направленность. Наиболее энергично озвучивались идеологемы дискриминации по отношению к татарам, другим народам республики со стороны башкирских политических лидеров.

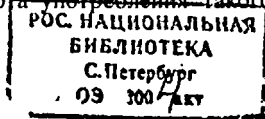


Представляется, что оценки положения татар в республике и в целом ситуации, выраженные в приведенных выше и других обнаруженных нами индикаторах, все-таки преувеличивают проблемы и опасности. Как и положено националистическим мифам-представлениям. По этой же причине они весьма эмоциональны. В результате создаются образы «народа-жертвы» и его «врагов». В зависимости от радикализма организации, точнее - ее идеологов, образ «врага» примерялся на башкирский народ в целом либо на его политическую элиту. В некоторых случаях, особенно в начале развития национальных движений, «врагами» становились русские. По мере укрепления новой официальной идеологии, включающей, в том числе принципы этнонационализма, татарская «символьная элита» от каких-либо обвинений в адрес русских отказалась. Более того, оппозиционность официальным властям и проводимой ими политике привела к укреплению сотрудничества между организациями, декларирующими свое намерение выражать интересы «нетитульного» населения республики. Такое объединение возможно на основе гражданских интересов. В силу обстоятельств татарские и русские национальные организации Башкортостана, активно «работали» по отстаиванию общегражданских интересов. В отличие от башкирских организаций и даже республиканских властей. И те, и другие в силу сложившейся в республике этнополитической ситуации, постоянно декларируя приверженность демократическим, гражданским интересам, на деле обосновывают либо предоставляют преференции представителям «титульного» этноса. Мы далеки от мнения, что весь башкирский народ получает льготы и преимущества от проводимой политической элитой политики. Стратификация башкирского этноса, как и стратификация любого другого российского народа - факт куда более реальный, чем этническое единство и интеграция. Поэтому преференциями, главным образом, пользуются представители этнической элиты «титульного» населения республики.

Объединение на основе общегражданских интересов повлекло за собой формирование блока требований и претензий, обращенных либо к российскому правительству (федеральному центру), либо к властям Башкортостана. Параллельно татарская «символьная элита» выдвигала требования и претензии, направленные на решение специфических проблем представителей этноса.

Анализ индикаторов, раскрывающих содержательный аспект идеологем, показал, что они преимущественно относятся к сфере образования, культуры, правового статуса языков, поэтому могут рассматриваться как проявление защитного культурного этнонационализма. Часть индикаторов из лексикона политического этнонационализма.

Идеологема «Политика федеративного центра — это продолжение прежней несправедливой политики по отношению к нерусским народам», как и некоторые другие, имеют общетатарское, а не региональное значение. Татарская «символьная элита» Башкортостана транслировала ее в массовое сознание, а создавалась идеологема в Татарстане. Претензии и требования, на наш взгляд, более жесткие, чем соответствующие аналогичной идеологеме башкирских организаций. Частота употребления такого



документах татарских общественно-политических организаций Башкортостана также более активная, чем в документах башкирских организаций. Объяснить коллизию можно следующим образом. Башкирская «символьная элита» вынуждена прилагать значительные интеллектуальные и пропагандистские усилия для решения «внутренних» проблем, заниматься собственно внутри этническими проблемами (возрождение этнического самосознания, сплочение башкир) и внутри республиканскими проблемами (отстаивание статуса). На решение «внешних» проблем времени, интеллектуальных ресурсов и энергии остается меньше. Поскольку в отстаивание суверенитета все более активно втягивается политическая этноэлита республики, то эта тема постепенно приобретает значимость в идеологии башкирского национализма. Татарская «символьная элита» Башкортостана на протяжении всего периода эволюции национального движения могла заниматься специфическими региональными проблемами, сама же идеология татарского и татарстанского национализма конструировалась татарской политической и «символьной» элитами Республики Татарстан. Определенное значение имеют и такие факторы как численность, уровень урбанизации, как следствие — состояние гражданского общества, вовлеченность в политическую деятельность, типы политической культуры. По всем «показателям» башкиры уступают татарскому этносу.

Убедительными примерами роли «символьной элиты» в социально-политических процессах современного российского общества, в эволюции и трансформации национализма можно считать деятельность татарской «символьной элиты» Башкортостана по отстаиванию равноправного положения татарского языка, ее участие в дискуссиях о переходе татарской письменности с кириллицы на латиницу и о теоретико-методологических основах Всероссийской переписи населения 2002г. Активными участниками этих событий были лидеры и активисты татарских национально-культурных организаций Оренбургской и Самарской областей. Основным способом их участия — разъяснительная работа среди татарского населения. Использовались газеты «Азан», «Бердэмлек», «Яна вакыт», листовки, праздничные мероприятия, индивидуальные беседы.

Анализ дискурсов, отражающих перечисленные сюжеты, позволил констатировать следующее: культурный этнонационализм защитного характера под влиянием объективных и субъективных факторов трансформируется в наступательный политический этнонационализм. Защитный характер татарского национализма в условиях Башкортостана сохраняется.

Деятельность татарской «символьной элиты» Татарстана, как неоднократно подчеркивалось, направлена на консолидацию татарского этноса. Татарские общины, прежде всего в тех субъектах федерации, в которых они проживают на протяжении сотен лет компактно, со своей стороны стремятся поддерживать контакты с «метрополией», в том числе идеологические. При этом, приспособлявая общетатарскую национальную идеологию под региональные особенности. Анализ дискурсов областной мусульманской газеты «Азан» за весь период ее существования (1996-2003гг.), позволил не только выделить основные проблемы татарского населения Самарской области

и сопоставить их с общетатарскими, но и уточнить роль «символьной элиты». Отметим, что понятие «мусульманская газета» используется в качестве культурной границы.

Результаты анализа дискурсов газеты «Азан подтвердили следующую рабочую гипотезу: татарская «символьная элита» Самарской и Оренбургских областей в качестве приоритетной рассматривает проблему полноценного национального образования.

В целом исследование показало: динамика политических процессов, происходящих в Башкортостане в 90-е гг. XX — начале XXI, способствует сохранению и распространению националистической идеологии среди татарского населения, а также ее трансформации от культурного типа к политическому. Изначально защитный характер хотя и сохраняется, но способы «защиты» становятся более радикальными. В административно-территориальных субъектах Российской Федерации, как, например в Самарской и Оренбургских областях, имеет место культурный этнонационализм защитного характера. В зависимости от этнонациональной политики, прежде всего федерального Центра, он может трансформироваться в политический тип и приобрести более радикальный характер.

Процесс возрождения этнического самосознания татарского и башкирского этносов можно считать состоявшимся. Социальный статус упрочился. Очевидным является факт рефлексирования этнических элит на равноправное участие в созидании современного российского государства. Несомненно, значительная заслуга в этом принадлежит «символьной элите».

На современном этапе развития национальных движений этих двух поволжских народов «символьная элита» прилагает усилия для сохранения достигнутого государственно-правового статуса, продолжает отстаивать принципы этно-территориальности и разделенного суверенитета. Эти политические цели имплицитно подразумевают ценностную установку на дальнейшую консолидацию этносов. Специфика размещения башкирского и татарского этносов на территории России определяет специфику процесса «нациестроительства». Башкирская политическая и «символьная» элиты включают в свои планы по собиранию нации проекты возвращения этнических башкир на свою «историческую родину», при этом, конечно, понимая, что такой способ не может быть основным по целому ряду причин. Татарская этноэлита подходит к процессу «нациестроительства» более прагматично. Об этом, в частности, свидетельствует активно обсуждающаяся идея о государственном финансировании национально-культурных автономий. В случае внесения такой поправки в Закон Российской Федерации «О национально-культурной автономии» появились бы реальные возможности решения языковых, образовательных и других культурных запросов татарского населения, компактно или дисперсно проживающего на территории субъектов Федерации. При этом Татарстан не только остался бы политическим и культурным центром нации, но и более успешно смог бы поддерживать контакты с ее многочисленными «осколками».

В главе четвертой «**Русский национализм как идеология и политика**» проанализированы типичные для идеологии русского национального движения темы и сюжеты, их содержательная и политическая специфика в условиях административно-территориальных субъектов Российской Федерации.

В параграфе первом «**Символическая продукция**» русской «**символьной элиты**»: **основные характеристики**» подробно рассмотрены характерные для современного русского национализма идеологемы, предлагается и обосновывается типология националистических организаций. Сравнительный метод позволил выявить различия в концептуальных и политических подходах русской, башкирской, татарской «символьной элиты».

Националистические организации, созданные акторами русского национализма в ответ на ситуацию «социального риска» и рост антирусских настроений в ряде регионов СССР, появляются во второй половине 80-х годов. Глубинной мотивацией создания подобных организаций было тогда еще смутное ощущение утраты привычно высокого этнического статуса русских. Дальнейшие события не только усилили эти ощущения, но и дали многочисленные подтверждения для логических обоснований и теоретических построений. После исторических событий 1991 года часть политической оппозиции, выступившей против способов и темпов реформирования, обратилась к националистической идеологии. В 90-х годах активно создавались различного рода националистические организации, декларировавшие защиту интересов русского народа, русской культуры. В зависимости от способов «защиты» идеологию этих организаций можно классифицировать как культурный или политический этнонационализм, точнее — как специфическое сочетание этих двух основных типов этнического национализма. Даже «культуроцентрированные» организации, например «Духовное наследие» или Всемирный русский собор, включают в свой арсенал политические методы, способы достижения программных целей. Организации, изначально нацеленные на политические методы, например Народная национальная партия, Русское Национально-освободительное движение, Русское национальное единство, Конгресс русских общин, Народно-патриотическая партия России, конечной целью своей деятельности декларируют возрождение русской культуры, национального самосознания. При этом обязательной парадигмой в идеологии всех организаций является государственность. С восстановлением экономического, политического, международного могущества Российского государства связываются перспективы русской нации. Возрождение России, в свою очередь, не мыслится без возрождения русского народа. В программах общественно-политических организаций, партий национально-патриотической направленности со всей очевидностью представлена тема государственности как самая характерная черта русского национализма.

В зависимости от предлагаемых способов «восстановления утраченной русской государственности» можно говорить о более либеральном или более радикальном характере идеологии конкретной организации. Так, идеологию организаций, акцентирующих внимание на духовно-нравственных началах

русского народа, предлагающих возродить экономику и престиж России путем возрождения общинных принципов организации социальной жизни, можно отнести к либеральному национализму. Например, Конгресс русских общин, Единая Семейно-Вечевая община «Русский мир».

Примером радикальной по характеру националистической идеологии является так называемый русизм, разработанный теоретиками Народной национальной партии. Идеология русизма - это «идеология Русской Власти, Святой Руси». Россия должна стать Государством Русского народа. Теоретические концепты идеологов русизма можно претворить в реальность, по убеждению его создателей, только конкретными действиями и распространением идеологии русизма среди широких слоев русского населения. Главной политической задачей ННП провозглашается борьба против «Сионистского Оккупационного Режима» и достижение «русской цели». «Русская цель» - это все нерусское, что движется по русской земле и «попадает в разрез прицела». Лидеры партии не только публично поддерживают скинхедов, но и стремятся организационно и идеологически подчинить это движение. Видимо видя в скинхедах потенциальных исполнителей «русской цели». Идеологи ННП ставят вопрос об отделении «Руси от России» путем проведения референдума среди русского населения «о самоопределении вплоть до выхода из состава Российской Федерации».

Ряд организаций, в программах которых присутствуют идеологемы национализма, занимают промежуточное положение между явно либеральными и явно радикальными организациями, например, Народно-патриотическая партия России. В программе определена основная задача организации: доступ к государственной власти через легислатуру, преобразование государственной и общественной жизни на основе «русской идеологии». Один из главных принципов: национально-пропорциональное представительство во всех органах власти и социальных институтах «коренных» народов России. Предлагается ущемление в политических, имущественных и других социальных правах представителей «некоренных» народов. Фактически идеологи НППР предлагают конституционный принцип *равноправия* граждан не зависимо от национальной принадлежности, заменить *принципом неравноправия, национальной (этнической) исключительности*. Очевидно, что выстраивание государственной политики на основе подобного принципа будет иметь следствием, во-первых, переструктурирование всего социального пространства; во-вторых, существенное изменение всех характеристик социальной мобильности; в-третьих, рост социальной напряженности вместо предполагаемой стабильности. Грань, отделяющая идеологию НППР от идеологии радикальных националистических организаций, в принципе не столь велика. В ней нет призывов к прямому насилию, но предполагается узаконенное политическое насилие. В отличие от идеологии явных «радикалов» не указывается этническая принадлежность «персон нон грата», но вычислить «некоренных» не сложно.

Анализ программ и других текстов, представляющих либерально-националистическую, радикально-националистическую и «промежуточную» по характеру «символическую продукцию», выявил типичные для

этнонационализма мифы-представления. А именно: восстановление и укрепление российской государственности как способ спасения и возрождения русского народа, возрождение русского народа как способ восстановления и возрождения могущества России; использование героических исторических сюжетов для обоснования способов возрождения, сохранения нации-этноса; образы «народа-жертвы» и его «врагов»; власть должна стать «русской», только такая власть решить проблемы России, русских, других «коренных» народов.

Обратим внимание на деталь, на наш взгляд, существенную, которая отличает современный русский национализм от национализма других народов России. На примерах идеологии, создаваемой и транслируемой татарской и башкирской «символьной элитой», можно убедиться, что сохранение и упрочение наций-этносов связывается с наличием, сохранением и упрочением собственных государственных образований. Именно этот идеологический концепт был в первую очередь позаимствован у националистов политической элитой республик. Актеры русской «символьной элиты», *отождествляя русскую нацию и Российской государство, в то же время основного «врага» русского народа видят в современном (а некоторые и в историческом) Российском государстве.* Способы одоления «врага» различны, например, использование института легислатуры (Народно-патриотическая партия России, «Народная воля» и другие); создание Русской республики (Народная национальная партия, Русская патриотическая партия и другие)

На основании анализа дискурсов «символической продукции» русской «символьной элиты» сделан следующий вывод: для русского национализма характерно включение идеологические и политические построения религиозных постулатов, как правило, представляющих неоязычество или компиляцию православия и неоязычества.

Немногие националистические организации последовательны в отстаивании идейно-нравственных принципов Православия, например, Союз русского народа, Русский национальный Собор, Всемирный русский собор, Русский национальный союз, общественное движение «Русь православная», некоторые другие. «Уход в религию», неудовлетворенность традиционной религией - это свидетельство глубокого идейно-нравственного кризиса, переживаемого русской «символьной элитой», русской интеллигенцией. Вероятно, есть основания говорить и о русском народе, о россиянах в целом.

Мифологизация и мистификация истории русского народа, России также свидетельствуют о фрустрациях, которые испытывают в последние годы интеллектуалы. На наш взгляд, одновременно это и «лекарство», с помощью которого делается интуитивная попытка «залечить» психологическую травму, нанесенную этническому самосознанию русских разоблачениями периода «перестройки и гласности» и «взрывом этничности» на постсоветской территории. Подобные реакции и схожие методы «лечения» обнаруживаются в флуктуациях этнонационализма других народов России.

В идеологии русского национализма исторический дискурс представлен и реалистическими сюжетами. Основной лейтмотив научных исследований по отечественной истории в последние 15-18 лет - пересмотр сложившихся за

многие десятилетия концептуальных подходов, переосмысление известных событий, обнародование и введение в научный оборот ранее недоступных или неизвестных фактов. В этой «всеобщей ревизии» активное участие принимали и продолжают принимать не только профессиональные историки, но и любители: журналисты, писатели, политические и общественные деятели. В идеологии и политической деятельности националистических организаций находит применение далеко не всякая историческая продукция. Во-первых, активно используются героические, героико-трагические сюжеты из древней, новой и новейшей истории. Во-вторых, предпочтение отдается эмоционально насыщенным произведениям. Поэтому большое распространение получили любительские версии или популяризация научных исследований любителями. В-третьих, вольно или невольно, сознательно или неосознанно создаются образы «народа-жертвы» и его «врагов». Богатая русская история дает простор для конструирования этноцентристских мифов-представлений и мифов-сказок. Качественный неформализованный анализ дискурсов выявил такую особенность русского этноцентристского мифа, которую можно назвать «историческим оптимизмом».

В качестве «центров» создания и распространения «символической продукции» русской «символьной элиты» в работе рассматриваются Ассоциация по комплексному изучению русской нации (АКИРН), редакции журнала «Наш современник», газет «Завтра», «Советская Россия». Свой вклад вносят многочисленные периодические издания, выходящие сравнительно небольшими тиражами или имеющие региональный статус. Например: журналы «Народная защита», «Народный строй», «Голос регионов», «Штурмовик», «Возрождение: свободный журнал российского единения и государственности», «Радонеж - век XX. Русский иллюстрированный журнал», «Русский взгляд» (Оренбург), «Русский националист», «Русское эхо» (альманах, Самара); газеты «Лимонка», «Русский Собор», «Национальная газета», «Алекс-информ» (Самара), «Русская газета», «Я — Русский», «Держава», «Русский вестник». Подчеркнем бесспорную важность совместной деятельности перечисленных «идейных центров» по созданию и трансляции «символической продукции» русской «символьной элиты». Активно используются работы некоторых историков, этнографов, произведения таких писателей, как В. Кожин, А. Солженицын, А. Проханов. Создают свои версии истории русского народа лидеры и активисты общественных организаций.

В целом для русской «символьной элиты» характерно активное конструирование образа «врага». В качестве «врагов» русского народа используются: государство; сионизм, иудаизм, евреи; Запад (американцы, глобалисты); средства массовой информации; кавказцы, среднеазиатские народы, китайцы, вьетнамцы. Такое обилие врагов свидетельствует о глубине фрустраций, переживаемых, прежде всего, представителями интеллигенции, русской «символьной элиты».

Особенностью функционирования русского националистического мифа можно считать необходимость развенчивать, разоблачать не только образы многочисленных «врагов», но опровергать обвинения в адрес русских. В конце

90-х годов по мере роста националистических настроений среди русского населения России и активизации деятельности национально-патриотических организаций появились обвинения в распространении «русского фашизма». Негативную реакцию российской общественности, представителей русской «символьной элиты» на обвинения в «фашизме» предугадать было несложно. Поэтому в самом факте «раскручивания» темы присутствует определенная доля провакационности. Ответная волна протеста, возможно, не была бы столь энергичной, если бы не неудачно выбранный термин. К тому же он неточен в определении феномена. По нашему мнению в действительности имеет место радикальный этнонационализм, или нацизм, приверженцами которого являются индивиды с установками на этноизоляциялизм и национальный фанатизм.

Интерпретация результатов анализа текстов, включенных в исследование, следующая. Для идеологов и лидеров радикальных националистических организаций характерным является не только поиск причин возникновения и распространения феномена так называемого «русского фашизма», но и безоговорочное оправдание этого явления. Радикальная по характеру «символическая продукция» может быть отнесена к этноприоритетному типу национализма. Представители русской «символьной элиты» в своих мифах-представлениях создают и транслируют типичные для этнонационализма *образы «народа-жеры» и его «врагов»*. Для «символической продукции» этнонационализма защитного типа характерным является смещение акцентов на *образ «народа-жеры»*. Для «символической продукции» национализма этноприоритетного типа характерным является акцентирование *образов «врагов» «народа-жертвы»*.

Несомненно, появление и распространение этнического экстремизма, этнофобии, мигрантофобии в современной России, в том числе и так называемого «русского фашизма», нельзя рассматривать только как результат «конструкторской» деятельности представителей «символьной элиты». В основе этих феноменов - те же объективные причины, сдетонировавшие «взрыв этничности», превратившие «застойное» советское общество в конфликтно-прессинговое. Очевидно, что преодоление социальной аномии, повышения уровня жизни населения в определенной степени сгладит остроту проблемы, сократит социальную базу национал - радикализма. Существенное значение имеет и субъективный фактор, под которым понимается адекватная этнонациональная политика, учитывающая интересы «большинства» и «меньшинства».

На наш взгляд, в основе русского национал-радикализма, национализма в целом, - и об этом свидетельствует опыт Западной Европы - еще более глубокие корни. Это реакция национальных, этнических универсумов, отдельных социальных групп и индивидуумов на процессы глобализации. В отстаивании собственной «политической крыши» властвующие и «символьные» элиты российских республик противостоят Центру, используя методы правового, политического, экономического давления, общественное мнение. На примере Башкортостана мы видели, что часть административно-управленческой энергии расходуется на «выяснение отношений» с оппозицией. Русская «символьная



элита», по-прежнему пытается строить отношения с этноэлитой республик с позиций «старшего брата», то есть с позиций протекционизма. Не учитывает изменений статуса, самосознания, претензий «младших братьев». Собственно, таков же алгоритм действий и властвующей российской элиты. Русская «символьная элита» в большей степени интуитивно, нежели осознанно видит «врага» вовне. Он символизируется «Западом», «американцами», «глобалистами» (последний термин только входит в националистический дискурс). В миграционной активности кавказских, азиатских народов также нередко видятся «происки глобалистов, сионистов, американцев». Можно предположить, что по мере усиления процессов глобализации и очевидности ее итогов, будет расти оппозиция, антиглобализм. Одна из функций русского национально-патриотического движения - это «защита» России от глобализации. Оно «прикрывает» Россию, не видя «союзников». Сами «союзники», то есть политическая и «символьная» элиты российских республик, заняты проблемами отстаивания и упрочения суверенитетов. И хотя среди акторов этнических элит все больше сторонников единого, неделимого и дееспособного Российского государства, остаются нерешенными серьезные проблемы его современного и будущего политического устройства.

В параграфе втором **«Символическая продукция» русской «символьной элиты: региональное преломление»** представлены результаты тематического контент-анализа и неформализованного анализа дискурсов ряда региональных периодических изданий.

Организации, существующие в Оренбургской и Самарской областях, используют «символическую продукцию», типичную как для защитного, так и для этноприоритетного типов национализма. Характер «символической продукции», производимой и транслируемой региональными акторами русской «символьной элиты» представлен в полном спектре: от либерального до радикального.

Идеология русского национализма создается не только столичными интеллектуалами, но и региональной «символьной элитой», имеющей к тому же большие трансляционные возможности. В ходе исследования был осуществлен качественный неформализованный и контент-анализ следующих региональных печатных изданий: «Южный Урал», «Вечерний Оренбург», «АиФ в Оренбуржье», «Волжская заря», а также «Казачий вестник», «Русское эхо», «Русский путь», «Русь». Результаты контент-анализа представлены в таблицах (приложение, текст).

Самарская областная газета «Волжская заря», имеющая несколько специализированных приложений, с точки зрения изучения «символической продукции» русской «символьной элиты» представляет наибольший интерес. Коллектив редакции принимал самое активное участие в создании и деятельности Народно-патриотических сил России, а затем Народно-патриотической партии России. Таким образом, газета не без основания может быть определена как региональный центр патриотической оппозиции и одним из центров русского национализма.

В Самарской области существуют идейно-организационные центры радикального национализма — это газеты «Алекс-информ» и «Я - Русский в Самаре». На базе редакции «Алекс-информ» создано региональное отделение Национально-державной партии России. Газета «Я - Русский в Самаре» - это печатный орган Поволжского отделения Народной национальной партии.

Напомним, что имманентной особенностью русской националистической идеологии является отождествление этнического и гражданского начал. И, как результат симбиоза - этнический патриотизм, в большей или меньшей степени «уживающийся» с российским патриотизмом. На региональном уровне этот феномен проявляется со всей очевидностью. На протяжении многих лет политическая и гражданская оппозиция объединяла «патриотов-интернационалистов» и «патриотов-националистов». В отличие от «патриотов-националистов», организационно раздробленных, «патриоты-интернационалисты» приложили немало усилий к объединению. В результате в 1998г. был сформирован блок Народно-патриотические силы России, на основе которого впоследствии была образована Народно-патриотическая партия России.

В ходе изучения источников удалось определить следующие позиции: русский национализм рассматривается рядом лидеров КПРФ, во-первых, как способ возрождения России, во-вторых, как способ реставрации социалистического общества (общества социальной справедливости). По первой позиции точка зрения коммунистов практически совпадает с точкой зрения идеологов как умеренно-либерального, так и радикального национализма. Чего нельзя сказать о второй позиции. Точки зрения на будущее государственное и социальное устройство России не совпадают не только у коммунистов и национал - патриотов, но заметно расходятся у различных организаций, исповедующих идеологию национализма (приложение). Был сделан следующий вывод: совпадение подходов к интерпретациям способов возрождения России и возвращения ей статуса великой державы позволит представителям двух идейных течений сотрудничать в определенных ситуациях, например в предвыборных кампаниях. Этот вывод подтвердился в ходе кампании по выборам депутатов Государственной Думы четвертого созыва.

Если блок Народно-патриотические силы России и отпочковавшаяся от него Народно-патриотическая партия России во многом являются «произведениями» КПРФ, то на примере Самарского региона можно увидеть попытки «патриотов-националистов» объединиться и структурировать националистическое движение. Инициировались эти попытки столичными представителями русской «символьной элиты». Так, в 90-х годах прошли Съезды представителей Русского народа страны и зарубежья, Всеславянские соборы, Всемирные русские народные соборы, Народные собрания славянских народов Российской Федерации. В мае 2000 года на IV Народном собрании славянских народов было провозглашено создание Единой Семейно-Вечевой общины «Русский мир».

Несмотря на теоретическую утопичность и политическую несостоятельность «русского народного социализма», «анархо-синдикализма» в поисках выхода из системного кризиса часть русской «символьной элиты» вновь

обратилась к этой идеологии. В разработке Уложения и Устава Единой Семейно-Вечевой общины «Русский мир» принимали участие профессиональные философы, историки, политики. Предпринималась попытка придать движению за воссоздание русской общины, рассматриваемой как способ воссоздания русской государственности, официальный характер. После избрания председателем Координационного Совета самарского предпринимателя Н. Сорокина, организационная работа по претворению в жизнь «общинных начал жизни» переместилась в Самару. В последствии энтузиазм создателей и идейных вдохновителей общинного движения заметно уменьшился, многие сочувствующие, разочаровавшись, отошли в сторону. В поисках выхода русская, российская интеллигенция примыкает то к одному, то к другому более или менее привлекательному, подающему надежды на будущее движению.

Контент-анализ газет «Южный Урал», «Волжская заря» и ряда ее специальных выпусков (1997–2002гг.) позволил не только выделить типичные темы и сопоставить их с националистической тематикой, но и увидеть изменение направленности вектора критики. В 1997–98гг. еще преобладали темы реформирования страны, сравнительного анализа «достижений социализма» и современного состояния России. После 1998г. начинают превалировать проблемы национально-патриотического звучания. Количество публикаций, поднимающих различные проблемы патриотической оппозиции, за шесть лет увеличилось в двенадцать раз. Как правило, это проблемы организационного характера, так как в этот период активизировалась деятельность по объединению, структурированию оппозиционных патриотических сил. Однако многие материалы затрагивали теоретический аспект, а именно: сущность национализма, его значимость в русской истории и для современной России, соотношение национализма и патриотизма, суть «русской идеи», «национальной идеи». Отметим, что все тексты, по которым был осуществлен контент-анализ, – это «символическая продукция» той части «символьной элиты», которую мы условно отнесли к «патриотам-интернационалистам». Результаты контент-анализа показывают, что, начиная с 1998 года, материалы националистического характера все более активно использовались «патриотами-интернационалистами». В итоге патриотическая оппозиция интериоризировала в свою идеологию этнический национализм.

Качественный анализ этих же текстов позволил уточнить и дополнить типичные для национально-патриотической идеологии проблемы, позиции, оценки, установки.

Как на общероссийском уровне параллельно созданию образа «народа-жертвы» создавались образы его «врагов», так и на региональном уровне представители русской «символьной элиты» на протяжении всего рубежного десятилетия настойчиво вносили свой вклад в создание этих двух образов. Как показал контент-анализ количество публикаций в региональной прессе, посвященных «врагам» русского народа, за 1997–2002гг. увеличилось в 5,5 раз. Подчеркнем еще раз, образы, предстающие в мифах-представлениях и их квинтэссенции – идеологемах, несомненно, эксплицировались реальными причинами.

Наиболее распространенная точка зрения на причины «русской, русской трагедии» выглядит следующим образом: прежде всего, виновата продажная власть, исполняющая замыслы Запада (глобалистов, сионистов, американцев). Нередко представители русской «символьной элиты» помимо «вины продажной власти» видят причину потери Россией статуса великой мировой державы в особенностях самосознания, характера русских. Имеет место и точка зрения, согласно которой в бедах России и русского народа виновата интеллигенция

Региональные акторы русской «символьной элиты» активно участвовали в создании типичных для этнонационализма образов «народа-жертвы» и его «врагов». Помимо очевидной «многоликости» образа «врага», создаваемого представителями как умеренного, так и радикального национализма, удалось зафиксировать определенные различия. Во-первых, для «символической продукции» умеренных националистов (как «патриотов», так и «интернационалистов») характерно акцентирование образа «народа-жертвы», тогда как в «символической продукции» акторов радикального национализма основное внимание уделяется образам «врагов» «народа-жертвы». Во-вторых, представители умеренного национализма нередко рефлексиируют по поводу причин, приведших Россию, русский народ к трагической ситуации и не столь активны в поисках выхода из нее; представители радикального национализма поискам причин уделяют незначительное внимание, значительно больше их интересуют способы выхода из трагической ситуации, в которой оказалась Россия, русский народ. Наконец, можно констатировать, что представители умеренного крыла русской «символьной элиты» настроены пессимистично, тогда как представители радикального крыла — оптимистично. Подчеркнем, что методы, предлагаемые «радикалами», за редким исключением, носят деструктивный характер.

В последнее время все активнее делаются попытки дополнить образ «врага». В материалах, поднимающих проблему миграции в Россию из регионов Средней Азии, Закавказья, Дальнего Востока, заметнее становится стремление превратить представителей ряда этносов во «врагов русского народа». В текстах проанализированных региональных изданий в адрес «кавказцев», «черноусых джигитов», «южан», «мусульман всех мастей» пока почти отсутствуют прямые обвинения. Скорее - это выражение тревоги, озабоченности слишком быстрым, массовым и напористым освоением не только приграничных, но и внутренних российских областей вынужденными переселенцами, беженцами, мигрантами из трудоизбыточных регионов. Заодно неприязнь высказывается и в отношении российских граждан - мигрантов из некоторых республик Северного Кавказа.

По данным мониторинга межэтнических и этноконфессиональных отношений, который проводится в Оренбургской области с 1998 года, количество оренбуржцев, «отмечающих у себя неприязнь к людям определенных национальностей» постоянно увеличивается. Происходит устойчивое снижение позитивного отношения к мигрантам и, соответственно, возрастает негативное. По мнению председателя комитета по межнациональным отношениям

Администрации области профессора В.В. Амелина толерантность к приезду в область мигрантов приближается к своему критическому пределу..

Результаты социологических исследований, проведенных в Самарской области, также свидетельствуют о росте неприязненного отношения к мигрантам и, прежде всего, к представителям таких народов Кавказа, Средней Азии, как азербайджанцы, армяне, чеченцы, узбеки, таджики. «Лидируют» по неприязненному отношению цыгане.

Можно предположить, что этнически окрашенная тема мигрантофобии все более активно будет разрабатываться в националистической и национально-патриотической идеологии; что от «постановки проблемы» перейдут к непосредственному созданию очередного мифа-представления, к формированию очередного «вражеского образа». Собственно, ультра радикалы такие попытки уже предпринимали. Например, как мобилизационный ресурс в ходе избирательных кампаний в Самарском регионе. Основная причина продолжающейся депривации — системный кризис трансформирующегося российского общества. Негативные последствия проявляются во всех сферах социальной жизни. Для подавляющего большинства россиян реальность негативных последствий вполне ощутима на личностном уровне. В подобных ситуациях алгоритм социума типичен: начинаются поиски причин и «виновников» сложившейся ситуации. На протяжении более чем пятнадцати лет в качестве «врагов» русских, россиян, России использовались достаточно абстрактные образы «Запада», «глобалистов», «сионистов», «сионских мудрецов» и т.п. Неслучайно, при возможности этим абстрактным образам давались конкретные фамилии. Кавказцы и выходцы из Азии (включая Китай и Вьетнам) не только дополняют образ «врага» конкретикой, но и вполне различимы внешне даже на уровне рядового обывателя. На фоне сохранения и тем более роста социальных фрустраций, вызванных, например, низким уровнем жизни и бедностью российского населения, четко обозначившейся социальной дифференциацией и при запущенном состоянии миграционной политики мигрантофобия будет распространяться, численность этнических аутсайдеров увеличиваться. Другими словами, существуют объективные причины для дальнейшей депривации именно среди выходцев из перечисленных регионов.

«Символическая продукция», производимая интеллектуалами в бывших союзных республиках СССР, в российских национально-территориальных субъектах, прошла апробацию в ходе активизации национальных движений. Она была востребована и этноэлитой, и определенной частью политизированного населения. Более того, некоторые положения и требования, сформулированные этнической «символьной элитой», восприняты официальной «региональной идеологией», а ряд ее представителей благополучно «вписались» в политическую элиту. Ни одна из перечисленных характеристик пока не может быть отнесена ни к «символической продукции», ни к самим акторам русской «символьной элиты». Конечно, националистическая идеология во всем своем спектре находит конститuentов среди русского (или более широко - славянского) населения Российской Федерации. Можно даже говорить о росте националистических настроений среди русского населения, особенно заметного с конца 90-х годов.

Хотя более или менее массового национального движения так и не появилось, «символическую продукцию» русской «символьной элиты» все более активно используют в своей идеологии организации патриотической оппозиции.

В третьем параграфе **«Специфические формы «символической продукции» русской «символьной элиты»** рассмотрены поэтические, графические, агитационно-плакатные формы «символической продукции», обнаруженные в дискурсах центральной и региональной прессы, включенной в анализ.

Образность и эмоциональность - характерные черты националистического мифа. В «символической продукции», создаваемой и транслируемой русской «символьной элитой», используются такие приемы, которые в ходе исследования были определены как специфические формы. Они придают еще большую эмоциональность и образность националистической «символической продукции». Речь идет о стихотворных и графических формах, широко применяющихся как самостоятельно, так и в виде плакатов. На страницах региональных и центральных газет, включенных в анализ, подобного рода специфических форм множество. В этом качестве используются патриотические стихотворения Ф. Тютчева, Н. Рубцова, Н. Зиновьева, Л. Щипахиной, Н. Доризо, Ю. Друниной, стихи и песни И. Талькова. Некоторые стихи превратились в эпиграфы, повторяясь из номера в номер.

Постоянными авторами на страницах патриотической прессы стали Л. Корнилов, Н. Карташова, М. Струкова, В. Архипов. Печатались и целые поэмы, например, «Плачет Русь, спаленная дотла» Е. Семичева, «Восхождение к свету» Г. Сянькова. Проявляют активность и читатели. Нередко на страницах газет можно встретить слова известных патриотических песен, например таких как «Вставай, страна огромная», «Смело, товарищи, в ногу». Рядом с новыми песнями публикуются ноты.

В целом с помощью поэтических и графических форм, как показывает анализ, дополняются, уточняются, отшлифовываются типичные для этноцентристского мифа образы «народа-жертвы» и его «врага». Анализ специфических форм «символической продукции» позволил выделить две группы: оптимистичные и пессимистичные по характеру формы. Очевидно, что и те, и другие оказывают ощутимое влияние на характер аттитюдов в сфере межэтнических отношений.

Характерным можно считать стремление разбудить в русском народе чувство гордости, напомнив о великой истории, победах, заповедях предков, особенностях русского менталитета.

Призывов к сопротивлению «врагам», прямым и косвенным, на страницах газет немало. Патриотической оппозицией предпринимались попытки использовать образы и риторику этноцентрического мифа, например, в ходе предвыборной кампании 1999 года. Так, в одном из номеров «Колокола» было опубликовано Воззвание к патриотам России предвыборного блока «За победу!», подписанное адмиралом Э.Д. Балтиным, генералами армии В.И. Варенниковым, Н.В. Виноградовым, депутатами Государственной Думы С.П. Горячевой, С.Ю. Глазьевым, Н.Н. Губенко, Г.Н. Зюгановым, писателями А. Прохановым, В.

Ганичевым, В. Распутиным, некоторыми главами областных Администраций (всего 30 подписей). Редакция сопроводила Воззвание плакатом «Родина-мать зовет!» и стихами «Проснитесь, люди русские!». В этом же номере, после текста Воззвания была опубликована предвыборная Программа блока «За победу!», в которой очевидно стремление решать все российские проблемы с позиций советского интернационализма. Присутствовал даже раздел «Семья народов». В этом варианте конечного «символического продукта» русской «символьной элиты» присутствуют типичные черты русского национализма. А именно - отождествление патриотизма и национализма, стремление сохранять патерналистскую позицию по отношению к «малым народам».

Использование поэтических и графических форм в «символической продукции», создаваемой русской «символьной элитой», наполняет образы «народа-жертвы» и его «врагов», призывы к сопротивлению, пробуждению, доказательства необходимости спасти Отечество, русский народ еще большей выразительностью. В конечном счете, совместными усилиями создается идеологема — «Вставайте, люди русские!», наиболее точно отражающая функциональное предназначение националистического мифа.

В Заключении подводятся итоги исследования. В исследовании национализм рассматривался, прежде всего, как идеологический конструкт определенных групп интеллектуалов. В ходе изучения текстов, созданных башкирской, татарской и русской «символьными элитами», обнаружили типичные для этнонационализма сюжеты и характеристики. Правомерно говорить и о схожести функций, как самой националистической идеологии, так и ее создателей. Представители этнической «символьной элиты», побуждаемые объективными обстоятельствами, все более активно заявляют себя в качестве «выразителей интересов и чаяний народа». Воспринимая этнос как целостное социальное образование, обладающее обязательными для его жизнедеятельности атрибутами, этническая «символьная элита», по сути дела, берет на себя функции охраны и воспроизводства этих атрибутов. В ситуациях «социального риска» усиливаются побудительные мотивы, и этническая «символьная элита» не только активизирует давление на властные структуры, на представителей этнической политической элиты, но и стремится обеспечить своим акторам продвижение во власть. В таких ситуациях очевидной и значимой становится политизация национальных движений, этнокультурных организаций, этничности в целом.

Этнонационализм при определенных условиях «произрастает» из этницизма, качества, имманентно присутствующего в этничности. Такими условиями, или побудительными мотивами, могут быть ситуации «социального риска», возникающие в результате коренных экономических, политических, социальных (в том числе культурных) реформ; внешнего прессинга на социум; экологических катаклизмов. В ситуации «социального риска» могут оказаться некоторые этнические группы либо представители этнических групп в то время, когда для большей части общества подобная ситуация не характерна. Как правило, «этнические аутсайдеры» - результат соответствующего политического

менеджмента в настоящем или дискриминационной политики в прошлом. Трансформирующееся российское общество почти два десятилетия существует в ситуации «социального риска». Разные группы населения, переживают ее с разной интенсивностью и результатами. В Башкортостане этничность стала значимым «социальным лифтом». Такая ситуация — результат легитимного или латентного патернализма некоторых концептуальных положений и требований идеологии башкирского национализма со стороны властвующей элиты, включения этих положений и требований в «региональную идеологию». В результате изначально защитный характер башкирского национализма трансформируется и приобретает более наступательный, радикальный характер. Официальный национализм («региональная идеология») из этнопаритетного типа трансформируется в классический этноприоритетный тип.

В условиях Башкортостана достаточно активно проявляет себя татарский национализм, характер которого также можно определить как изначально защитный, но постепенно приобретающий наступательный, радикальный характер. Специфика социально-культурного, демографического, а в современных условиях экономического и политического положения татарского населения республики активизирует татарскую «символьную элиту», которая энергично вносит свою лепту в отстаивании этнических принципов в «региональной идеологии» и политике. Совместными усилиями, хотя и с разными результатами, башкирская и татарская этническая элита не только способствуют поддержанию значимости этнического фактора в политике Российской Федерации, но и делают его все более актуальным.

В условиях Башкортостана националистические настроения и установки русского населения и, в частности, русской «символьной элиты» также изначально носили защитный характер. Как и в случаях с башкирским и татарским национализмом это была реакция на ситуацию «социального риска», в которой оказалось подавляющее большинство населения республики и России в целом. Однако по мере укрепления позиций национализма «титального» этноса, русский национализм не приобретал наступательный и радикальный характер: в отличие от татарской «символьной элиты» акторы русского национализма предпочли оппозиционировать официальной «региональной идеологии» на основе демократических, а не этнических ценностей. Это не означает, что в оппозиционных организациях участвуют только русские: и движение «Равноправие», и общественно-политическая организация «Русь» объединяют в своих рядах представителей разных национальностей, в том числе и «титальной». Речь идет о том, что в условиях Башкортостана идеология русского национализма утратила свою значимость, перестала играть сколько-нибудь заметную роль, так как представители русской «символьной элиты» увидели возможности в другом идейно-политическом поле.

В условиях административно-территориальных субъектов Российской Федерации развитие, функционирование и трансформации русского национализма выглядят иначе. В Самарской и Оренбургской областях, общество традиционно полиэтнично, хотя русские и составляют подавляющее большинство населения. Этот существенный факт социальной жизни находит



отражение в региональной политике и общественном сознании. В частности, администрациям этих и ряда других субъектов все последнее десятилетие пришлось уделять более пристальное внимание межэтническим отношениям, этнонациональной политике. В последние два-три года это направление региональной политики становится еще более актуальным. В отличие от ряда национально-территориальных субъектов Российской Федерации, по отношению к которым можно говорить о сформировавшейся «региональной идеологии», в административно-территориальных субъектах можно увидеть специфику в раскладе политических сил, предпочтения в методах осуществления общероссийской экономической или социальной политики, но едва ли правомерно определять эту специфичность как особую региональную идеологию.

Исследование показало, что в Оренбургской и, особенно, в Самарской областях русский национализм постепенно приобретет общественно-политическое звучание, становится заметным явлением. Процесс, характерный для общественно-политической жизни России 90-х годов XX века и начала XXI века и продолжающий набирать силу. Правомерно говорить об изначально защитном характере русского национализма. Однако русский национализм никогда не являлся гомогенным феноменом. Впрочем, как и башкирский, татарский и другой этнический национализм. Точно также как этнос не является некой гомогенной общностью. Социальная стратификация - факт более реальный, чем социальное единство, а групповые интересы далеко не всегда совпадают с «интересами этноса». На примере русского национализма это очевидно: множество организаций, идеологических конструктов; разные методы и способы «защиты» интересов русского народа, вплоть до самых радикальных; раздробленность русской «символьной элиты» и соперничество между акторами. В регионах, на примере которых исследовался современный русский национализм, это идеологическое направление представлено в полном спектре: от либерального, этнопаритетного до радикального, этнопriorитетного. Общим можно считать непризнание русского национализма как такового — а этот сложный феномен воспринимается и на официальном уровне и массовым сознанием как целостный — легитимным политическим и идеологическим явлением. Вместе с тем, среди исследователей феномена национализма и такого идейного течения как либерализм все активнее утверждается позиция, согласно которой либеральный национализм способен использовать демократические правила и ценности.

Акторы русской «символьной элиты», не смотря на перечисленные различия, по сути «работают» в одном идейном поле. Эту характеристику можно отнести и к акторам башкирской, татарской «символьной элиты». Из этого следует: во-первых, существуют объективные условия для трансформаций характера и типов национализма; во-вторых, возможны обмен и заимствования «символической продукции». Подчеркнем еще раз особую значимость для этих процессов субъективного фактора и, прежде всего, характер и результаты взаимодействия представителей «символьной элиты», политической элиты контр-элиты. В свою очередь, субъективный фактор — это в значительной

степени результат политического менеджмента. В нашем варианте возможности оптимизации политического менеджмента заключаются не столько в необходимости учитывать феномен политизированной этничности и, в частности, феномен национализма при разработке социально-политических, социально-культурных, экономических программ, сколько в самом факте признания легитимности и объективности этих феноменов. Особо подчеркнем значимость данного тезиса для «работы» с русским национализмом.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. - Самара: Изд-во «Самарский университет, 2003. - 292.(16,97п.л.).

Мухаметшина Н. Национальная политика в Российской Федерации: анализ новой концепции // Поволжский электронный журнал по философии и социальным наукам. 1998. №6 (0,6 п.л.) // [www.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal](http://www.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal)

-Мухаметшина Н.С. Общественные организации и формирование этнонациональной политики в регионе // Проблемы разработки и реализации социальных технологий в регионах // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Самара, 2000. - С.78-79 (0,12 п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Этно-национальная пресса (социологический анализ) // Культурная целостность и толерантность Поволжской этничности в современном пространстве русского языкового союза. Тезисы и материалы межрегиональной научно-практической конференции. - Самара, 2000. — С. 181-185(0,4п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Проблемы адекватного управления этнонациональной сферой в Самарском регионе // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. - М.,2001. - С.87 (0,09 п.л.)

-Мухаметшина Н.С. Феномен этнонационализма и деструктивность // Там же. - С.91 (0,09 п.л.).

-Понарин Э.Д., Мухаметшина Н.С. Национальные отношения на пост - советской территории. Учебное пособие. - СПб, 2001. - С.62-78 (2,5 / 0,7 п.л.).

-Мухаметшина Н. «Русский» дискурс // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. - М., 2001. Бюллетень №25. - С.21-24 (0,3 п.л.).

-Мухаметшина Н. Русские организации // Там же. 2002. Бюллетень №29. - С.16-19(0,3 п.л.).

-Мухаметшина Н. Волжское казачество: эволюция, проблемы и перспективы // Там же. 2002. Бюллетень №34. - С.24-27 (0,3 п.л.).

-Мухаметшина Н. Национал-радикалы пытаются войти во власть // Там же. 2002. Бюллетень №41. - С.20-22 (0,25 п.л.).

-Мухаметшина Н. Проблемы мусульманского населения на страницах газеты «Азан» // Там же. 2002. Бюллетень № 46. - С.24-27 (0,3 п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Этнонациональная политика в Самарском регионе: теория и практика // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции - Оренбург, 2002. - С.307-310 (0,25 п.л.).

-Мухаметшина Н.С. «Русский вопрос» и политическое устройство России // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. - М., 2003. -С.66(0,09 п.л.).

-Мухаметшина Н. Национализм как средство политических технологий? // Этноконфессиональная ситуация...2003. Бюллетень №52. - С.16-18 (0,25 П.Л.).

-Мухаметшина Н. Смогут ли казаки «находиться вне политики»? // Там же. 2003. Бюллетень №57. - С.16-18 (0,2п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Православие и гражданские инициативы // Культура славян Оренбуржья. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. - Оренбург, 2003. - С.329-332 (0,2 п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Современные методологические и теоретические подходы к изучению феномена национализма // Вестник Самарского государственного университета. 2003. №3. - С.34-46 (0,8 п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Националистический дискурс в программах политических партий // О состоянии работы по" регистрации региональных отделений политических партий, общественных и религиозных объединений, осуществлению контроля за состоянием деятельности зарегистрированных объединений уставным целям в ПФО для исключения случаев политического и религиозного экстремизма. Материалы научно-практической конференции - Самара, 2003. - С.71-77 (0,45 п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Этническая «символьная элита»: понятие, функции, подходы к исследованию // Этно-журнал. М., 2003. №7 (0,7п.л.) // www.ethnonet.ru

-Мухаметшина Н.С. Патриотизм и национализм в российском измерении // Этнопанорама. - Оренбург, 2003. №3-4. - С.34-39 (0,8 п.л.).

Мухаметшина Н.С. Основные элементы националистической идеологии// Вестник Самарского гос. ун-та. 2004. №1. (0,7 п.л.).

-Мухаметшина Н.С. Русский национализм в политической жизни региона // Проблемы этнокультурного развития русского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции - Оренбург, 2004. (0,5 п.л.).

Ответственный за выпуск  
кандидат политических наук А.Ю. Цаплин

Подписано в печать 7.05.2004

Формат 60x84 <sup>6</sup>. Бумага офсетная. Гарнитура Тайс. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 100 экз

Отпечатано с оригинал - макета  
410012, Саратов, Астраханская,83

№ - 9 0 4 4